

# Сергей Лушников

## Исчезнувший

### Пролог

Весна. 1945 год. Восточная Германия.

— Давай-давай, скорее, — кричал Аристархов Якубе, который бежал позади него, выпустив очередь из добытого им трофейного «шмайссера».

Но парень не отставал, при этом посылая еще и свою порцию свинца по засевшим фашистам.

— Прицельно бьют, гады, — сквозь зубы процедил Якуба, когда они оба укрылись за широкой гранитной колонной, ставшей им временной защитой от вражеских пуль. Аристархов тяжело дышал, прикрыв лицо ладонью.

Молодой Павел Якуба то и дело норовил выглянуть из временного укрытия и посмотреть вперед — туда, откуда не прекращался перекрестный огонь.

— Куда ты высовываешься, рыжая твоя башка, — Аристархов схватил парня за гимнастерку, притянул к себе и заставил того присесть возле себя. Прямо здесь — на бетонный пол.

Уже вторые сутки они вели непрекращающиеся уличные бои в этом когда-то красивом и цветущем городе; чего только стоил один лишь парк, успел подметить Аристархов, поделившись своими наблюдениями с Павлом. До войны он работал архитектором и поэтому всегда обращал на это внимание. «Такую красотищу разрушили», — еще вчера сокрушался Иван Спиридонович во время короткого затишья между боями. Фашисты отчаянно сопротивлялись до последнего патрона, лишь немногие сдавались в плен, в основном это были юнцы из Гитлерюгенда, над которыми идеи нацистского вождя, уступили все же здравому смыслу название которому, было слово «жизнь». Якуба за юнцов был не намного старше, всего лишь на каких-то четыре или пять лет.

Они отбивали каждый дом, каждую улочку, приближая победу — долгожданную и такую близкую. Последние дни тянулись так долго, и поэтому каждый убитый однополчанин острой болью отзывался в сердце. Сибиряк Аристархов прикипел всей душой к этому отчаянному, веселому на удачу, настоящему баловню судьбы — украинцу Якубе, которого с потерей своего сына, погибшего под Кенигсбергом, он считал, как родного, оберегая от шальной пули.

Совсем рядом, в нескольких метрах от них,

прогремел взрыв, заставив обоих еще сильнее прижаться к холодной поверхности оберегавшей их колонны. Клуб пыли и дыма обдал их своим горячим, смертельным жаром. Земля под ногами задрожала.

— Пора уходить отсюда, — сказал Аристархов, струшивая мозолистыми пальцами посыпавшийся мусор со своей каски.

— Куда дальше? — спросил Якуба у своего старшего товарища.

— Видишь там дом, в метрах тридцати отсюда? Там никого нет. Я наблюдал за ним. Туда нужно передвигаться, — Аристархов уже наметил путь. Якуба лишь молчаливо кивнул в знак одобрения, уже готовый к действию, держа палец на спусковом крючке своего автомата.

— Бежим, быстро, не останавливаясь. И пригибайся, Паша, пригибайся. Ясно? Тогда вперед.

Оба, синхронно вскочили и, пользуясь завесой разлагающегося дыма, метнулись в направлении полуразрушенного дома, на который указал Аристархов. Вокруг был настоящий хаос: развалины, груды камней, брошенные вещи; детская коляска непонятно как оказавшаяся среди всего этого казалась чьей-то нелепой шуткой. Посредине улицы закончил свой путь тяжелый немецкий танк, словно поверженный исполин. Оборванная гусеница танка, завалившееся дуло,

обгоревший корпус башни, извергавший и несущий когда-то смерть, выглядел смиренно и покорно. В нескольких метрах от танка лежал убитый фашист. С края его рта по щеке пролегла тонкой линией засохшая кровь. Павел успел подметить, что открытые и уже безжизненные глаза мертвого немца смотрели вверх, на безоблачное апрельское небо. Наверное, это последнее что он увидел перед своей смертью.

Наконец и ступени дома, на которых лежала кем-то сбитая вывеска с надписью: «Apotheke». Входные крепкие двери едва держались на одних завесах. Первым в здание вбежал Якуба, за ним Аристархов, пустив еще одну очередь по дому напротив, где засели фашисты. Внутри здания было так же, как и снаружи на улице. Разворошенная витрина, обсыпавшаяся штукатурка, покореженная мебель, поваленные стеллажи, вокруг которых пластом лежали груды разбитого стекла. На стенах вмятины от пуль и осколков, образуя некую нелепую мозаику смерти. Над всем этим висела чудом как уцелевшая хрустальная люстра, словно атрибут света, жизни и мира. Под ногами, повсюду были рассыпаны медикаменты.

— Аптека, что ли? — спросил Якуба, разглядывая все по сторонам.

— Я еще там, на входе заметил вывеску, что это аптека, — сказал наблюдательный Аристархов,

от наметанного глаза которого не уходила ни одна деталь. — И судя по всему, она вон совмещается с квартирой, скорее всего хозяев этой аптеки. Вон видишь двери? Они ведут в жилые комнаты.

— Спиридонович, ты становись у окна, а я пойду, проверю что там и как, — смысленый Якуба не заставлял себя долго ждать. — Вдруг там есть другой выход на ту сторону улицы. Зайдем тогда с тыла.

— Хорошо, но будь осторожен, — Аристархов напомнил парню о не лишней предусмотрительности.

Немцы усилили огонь. С их стороны все чаще стали раздаваться выстрелы и залпы. Стоял невероятный шум. Павел Якуба сосредоточился, и двинулся в проем, который, как и предвидел Аристархов, служил, неким переходом между аптекой и когда-то обжитыми комнатами. Перед ним предстала большая комната, где также все было покорежено, разбито. В углу стояло пианино. Крышка поднята и пробита одной из залетевших сюда пуль, многих клавиш нет. Лишь зияли пустоты вместо них. Павел вспомнил, что когда-то и у них, в интернате стояло вот такое блестящее пианино, издававшее, по его мнению, волшебные, магические звуки. Он неоднократно прятался в комнате и слушал, как на нем играла преподавательница, Марьяна Сергеевна и ее

любимица Лана, девочка с нежным лицом и почему-то грустными глазами. Но все это было в прошлом. Сейчас совсем другие звуки-звуки войны. От большой комнаты пошли разветвления. Сначала в коридор. Несколько досок пола не было вообще. А вот уже за коридором, по левую сторону было что-то наподобие маленького подсобного помещения, служившего вероятней всего складом. На установленных и целых стеллажах разместились медикаменты. Таблетки в ярких упаковках, растворы для инъекций, капсулы, флаконы разных размеров и цветов, и прочий медицинский инвентарь. «Нужно, когда выберемся отсюда, прихватить чего-нибудь с собой и отнести в медчасть» — решил Павел, рассматривая содержимое стеллажей, казавшееся сейчас настоящим богатством. За стеллажами образовалась перегородка из плотной, прессованной фанеры, создавая, таким образом, еще одно помещение. Совсем маленькая комната. Павел, держа автомат на взводе, направился к ней, ступая тихо и осторожно, боясь вступить в образовавшиеся проемы под ногами. Ему послышался какой-то шорох. И исходил этот звук как раз за перегородкой. «Крысы», — решил про себя Якуба. Для него они были словно предвестники смерти и разрухи. Краем глаза он заметил белый унитаз из керамики и блестящий, как орден у Аристархова.

Такие унитазы он видел только здесь, в Германии. Воспитанный в детских домах и интернатах, он всегда мечтал о своей собственной комнате, которую не нужно было делить с кем-либо. В ней он бы все сделал сам — своими руками. До войны его ждало направления на завод, где его уже ожидала маленькая комнатка в общежитии судостроительного завода. Но нагрянувшая война нарушила все его планы. Он так и не доехал до назначенного места, сойдя с поезда, тем июньским утром, и записавшись добровольцем на фронт. Ступив шаг вперед, он все-таки теперь отчетливо слышал шуршание и какое-то движение за занавеской, за которой виднелся край металлической ванны. На крыс это уж точно не похоже. Он не ошибся. Бывшая ванная служила теперь как жилая комната. На маленьком грубо отесанном столике стояла керосиновая лампа, металлическая глубокая тарелка с остатками еды и переносной миниатюрный фонарик. В углу старое кресло, без ножек. Их заменяли кирпичи. На кресле небрежно лежали чьи-то вещи. Все указывало на то, что это помещение служило кому-то временным укрытием.

Подняв автомат, Павел резко вскочил вправо и крикнул по-немецки:

— Hande hoch! (пер. Руки вверх!) — продолжая держать палец на курке, а второй рукой

стал медленно отодвигать занавеску в сторону.

На него уставились две пары глаз, в которых присутствовал поселившийся дикий, почти животный ужас и застывшие, словно две каменные статуи, тела — женщины и юноши. Женщина прижимала к себе парнишку лет четырнадцати-пятнадцати. Павел заметил, как на руках женщины вздулись вены, так сильно она держала парня. Мать и сын, скорее всего, решил Якуба, подметив их внешнее сходство. От их так и веяло страхом, без всякого проблеска надежды. Павла поразила женщина. Когда-то она была красива, но годы войны взяли свое. Худое, изнеможенное лицо, с остро выступающими скулами, но ее взгляд все же выдавал в ней человека стойкого и волевого. Оба светловолосые, с одинаковыми голубыми глазами. Одеты просто. Женщина в коричневом изрядно помятом просторном платье. Поверх платья была одета вязаная кофта с большими пуговицами. Парень в коротких серых штанах и темно-зеленой рубашке. Но больше всего бросался пиджак, одетый на нем, который явно был на несколько размеров больше его. Петр заговорил тихо. И как можно спокойней. В первую очередь, чтобы еще больше не напугать обнаруженных немцев. Он пытался подобрать такие спокойные и нужные слова, а главное понятные:



— Ich nicht wunscht euch Ubel<sup>1</sup>.

Некоторым фразам его научил Аристархов, идеально владевший немецким. До войны он интересовался западной архитектурой, в том числе и немецкой и потому он часто пользовался языком, особенно когда они выполняли задание по взятию «языка» по ту сторону фронта. Способный как оказалось, к языкам молодой и хватавший все на лету Павел охотно запоминал все, что ему говорил Аристархов. Он не знал, получилось ли у него или нет, но судя по выражению их лиц, смысл сказанного стал им понятен. Их тела стали менее напряженными, чем прежде. Мать что-то шепнула сыну. В ответ тот лишь моргнул, дав ей знак, что он все понял.

— Her kommen<sup>2</sup>.

И Павел медленно повел ладонью к себе, при этом пытаясь найти в своем словарном запасе еще одно предложение.

— Ich wegfuhrst euch ab hier<sup>3</sup>.

Первой нерешительно тронулась с места

---

<sup>1</sup> Я не желаю вам зла.

<sup>2</sup> Идите сюда.

<sup>3</sup> Я выведу вас отсюда.

женщина, робко и осторожно. Закравшийся страх стал медленно улетучиваться, на смену ему пришла надежда, возможно даже на спасение, с каждой секундой становившаяся все сильнее и сильнее. Затем пошел юноша. Они продолжали держаться за руки, словно демонстрируя свою крепкую связь, которую ничто и никто не разобьет. Павел чувствовал их все же еще настороженные взгляды на себе. Но они послушно следовали за ним, а впрочем, у их и выбора не было перед этим русским солдатом. И они всецело были во власти совсем еще молодого чужака, пришедшего с востока. Теперь их жизнь зависела от этого веснушчатого парня. При виде появившихся, Аристархов удивленно уставился на образовавшуюся тройцу: русского солдата и немецкую пару — мать с сыном. Взгляд его был коротким, но как подметил Павел еще и цепким.

— Мать честная, где ты их нашел? — спросил оторопевший Аристархов.

— Они были там, — кивнул в сторону комнат Якуба.

Женщина и юнец напряженно прислушивались к разговору этих вооруженных русских, пытаясь таким образом определить их намерения по тембру и манере голосов.

— И что ты собираешься с ними делать? — прямо спросил Иван Спиридонович, смотря то на

них, то за окно, наблюдая за обстановкой.

— Выведу их отсюда, а тогда вернусь.

— Куда Паша? Под пули? — раздраженно и резко ответил Аристархов, зная пыл Павла.

— Но здесь тоже небезопасно. Я мигом. Туда и обратно.

— На кой ляд они тебе сдались? — не одобрял намерения парня его старший товарищ.

— Иван Спиридонович, они же люди, в первую очередь, — не привык отступать от принятых решений Павел. — Не станут же фрицы стрелять по своим же гражданам.

— Ну, рыжая твоя башка, умеешь ты найти приключения на свою голову, — отмахнулся от парня Аристархов, словно говоря: «мол, делай что хочешь». — Ладно, уводи этих немцев. Черт с тобой. Я прикрою в случае чего. Только мигом.

Аристархов бегло по-немецки что-то стал объяснять матери и сыну, и те в ответ понятно закивали. Из всего услышанного Паша понял, что сибиряк разъяснил им их действия и когда закончил, жестом указал уводить немцев из здания, пока на улице звучали одинокие выстрелы.

— Пошли, — сказал продолжавшей молчать паре по-русски Якуба, и ему показалось, что немка с сыном теперь понимают его как никого другого. Выглянув первым за дверь, Якуба обратил внимание, что огонь сейчас велся, не столь

интенсивно. Две стороны, словно сговорившись, решили сделать передышку, перед заключительным актом этой кровавой увертюры, название которой «война». Павел повел немцев за собой, прикрывая пару своим телом, с поднятым перед собой автоматом, подгоняя их в ту сторону, туда, где прочно засели его однополчане. Они продвигались вдоль изрешеченной пулями стены. Первым шел, слегка наклонившись, немецкий мальчишка, за ним его мать, ни разу не обернувшись, боясь выпустить своего сына из вида, и замыкал троицу Павел, готовый в любую секунду дать очередь на поражение. Оставалось тридцать метров, двадцать пять. Якуба уже видел удивленные лица своих сослуживцев, махавшие им руками из своих укрытий. Теперь осталось совсем ничего. Только перебежать на ту сторону улицы, и тогда они будут в безопасности.

— Быстро, быстро, — то и дело подгонял немцев Якуба.

Когда они стали перебегать улицу, Павел услышал за своей спиной, характерный, протяжный звук, а затем прогремевший взрыв за ним. Реакция его была мгновенной. Он бросился на женщину с сыном, расставив при этом руки, пытаясь, таким образом, прикрыть их собою. Когда они стали заваливаться на землю, он почувствовал, как осколки выпущенного снаряда попали ему в спину,

обдав все тело волной острой боли. Последнее что ясно увидел Якуба, перед тем как закрыть глаза, это наполненные ужасом глаза матери и сына...

Белоруссия. Полесье. Октябрь 1965 года.

Автобус медленно подкатил к остановке. Громко заскрежетали дверцы, выпуская наружу немногочисленных пассажиров, которые суетливо, словно по чьей-то неведомой команде стали расходиться в разные стороны. Дарья Корзун, поправила платок на голове и огляделась вокруг. Начинало смеркаться. Солнце уже практически полностью скрылось за горизонтом. Лишь тонкий, едва заметный проблеск, медленно уходил, оставляя за собой лишь меркнувший свет. Небо обложили тяжелые, чугунные, будто накаленные, тучи с красноватыми подпалинами на краях. В сторону ее дома ей пришлось идти одной. Весь путь домой она прошла в одиночестве, сухо здороваясь по пути со встреченными редкими односельчанами. Не с кем не останавливалась на разговоры, так как спешила.

Сегодня непонятно откуда на душе стояла тревога. Или причина ее беспокойства кроилась в прошедшем тяжелом рабочим днем? Однозначного ответа она дать не могла. Дарья тяжело вздохнула и повернула на улице направо. Домики, стоящие по

обе стороны, будто в ожидании удара прижались к земле, прячась за опустевшими и такими сиротливыми ветвями деревьев. Воздух с каждым днем становился все холодней. Ей поскорей хотелось попасть в теплый дом и забыть обо всем, предавшись домашним делам, которые всегда отвлекали ее от проблем и пережитому за день, как нельзя лучше.

Вот, наконец, и спасительная, маленькая лощинка, за которой темнел ряд домов, среди которых был и ее дом, стоявший крайним на ее улице. Где-то совсем рядом за покосившимся забором громко залаяла собака. Еще на подходе к дому Дарья заметила, что в окне горит свет. Значит Грыгор уже дома. Она называла его именно так-Грыгор. Но среди людей Григорий или Гриша. Дворняжка Тишка, именно так назвала ее дочь Анастасия, завиляла хвостом при виде хозяйки и вскоре спряталась в конуре. Войдя в дом, она поставила сумки здесь же — в коридоре. И лишь затем Дарья позвала мужа. Но в ответ услышала только тишину. «Значит, копошится на хозяйственном дворе», — решила женщина, и быстро переодевшись, не забыв при этом надеть резиновые сапоги, поспешила на задний двор. Григория она нашла в бане, он тесал рубанком доски, принесенные из сарая. Вокруг разбросаны инструменты, доски — старые и новые,

припасенные мужем как раз на такой случай.

— Ты что тут делаешь? — спросила Дарья, согнувшись под притолокой.

Муж повернулся в ее сторону и улыбнулся как всегда своей кривой улыбкой. Крепкие, мозолистые пальцы выбирали застрявшую стружку из рубанка.

— Смотрю, полки совсем прохудились, надо бы починить. Завтра баню растоплю. Настя приедет, — деловито и по-хозяйски ответил Григорий.

— Скоро управишься? — кивнула в сторону инструментов женщина.

— Еще с полчаса.

— Тогда я ужин успею приготовить. А ты закончишь, давай сразу в дом, — заботливо ответила Дарья и вышла, пряча скупую улыбку на лице.

Все Григор видит, все подмечает. Повезло ей с мужиком. За пояс не одного мужика заткнет в их деревне. Руки золотые-все умеет. Вон баню, какую сам построил, вся деревня завидует. Вот только...и тяжелые мысли вновь наполнили ее. «Но почему так?», — в который раз задавала себе один и тот же вопрос...и поспешила в дом, попытавшись прогнать грусть, которая ну ни как не хотела покидать ее на протяжении всего дня. Такое настроение случалось не часто, но бывало.

Дарья решила приготовить жареную картошку

на сале, которую так любил Грыгор. Не успела она почистить и пары картофелин, как в окно кто-то тихо постучал. «Тишка не залаял, значит, кто-то свой или Грыгор зовет, зачем то», — решила Дарья и отодвинула тюлевую занавеску. На нее смотрело грубоватое лицо соседки Марии. Как же она забыла. Совсем все вылетело из головы. Она махнула соседке рукой, мол, заходи, открыто. Соседка громко зашумела, снимая обувь на пороге. От Марии повеяло прохладой. Лицо усталое, беспокойное.

— Привет, Дарья. Привезла лекарства? — сразу спросила Мария, оглядываясь по сторонам, словно пытаясь найти то, что ей должна была привести Корзун из райцентра.

— Сейчас принесу. Да не переживай ты так, Маша. Все взяла, все купила. Присаживайся. Я сейчас принесу.

— Ну, слава тебе Богу, — приложила к груди руку, коренастая соседка. — А то я совсем замучилась с гавриками своими.

Корзун стала доставать из сумки привезенные медикаменты для Маши, у которой сразу слегли двое из ее троих детей. Соседские детишки очень часто болели, и Дарье не раз приходилось выручать соседку.

— Как там твои детишки. Лучше им не стало?

— Да какой там, — безнадежно махнула



рукой Мария. — И откуда только берутся эти болячки? Сил моих больше нет.

— Все дети болеют, Мария. Думаешь, моя Настя не болела. Ой, соседка-всякое бывало.

— Малые дети-малые проблемы, — согласилась Мария.

— Вот — для Антошки твоего — паста Лассара. Очень помогает при диатезе, — со знанием дела стала говорить Дарья, поочередно ставя перед Марией лекарства. — Тут все написано на банке — как и когда все принимать. Если что, инструкция внутри.

Мария понятливо закивала.

— Теперь для Анечки. Так и кашляет?

— Кашляет.

— Масло ментоловое — делай ей ингаляцию.

Ну, тебе это не впервой. Справишься.

— Спасибо, тебе соседка. Чтобы я без тебя делала, — привычно как для Дарьи, затараторила Мария. — Дай Бог тебе здоровья. Ты наше спасение. Волшебница ты наша. Я завтра тебе молока принесу. Гришка твой любит.

— Совсем чуть не забыла — возьми сдачу и вот обеим я взяла витамин С. Давай и Ане и Антошке, — и Дарья протянула горсть монет вместе с упаковкой больших таблеток, цена которых была совсем смешной — всего лишь пять копеек. Но для детей соседки они, как она считала,

были бы полезны, так как иммунитет у них был еще слабенький.

— Душа у тебя, Дарья, отзывчивая. И доброты полон стог, — с искренностью в голосе сказала Мария.

О том, что та любила поболтать, Дарья давно знала.

— Да чего уж там, соседка. Люди должны помогать друг другу, — ответила Корзун и продолжила чистить картофель.

— Вот и я о том же, — начала Мария и резко осеклась, став с неким ожиданием смотреть на сердобольную соседку.

Корзун внимательно посмотрела на сидящую напротив Марию, которая продолжала сжимать все лекарства в своих натруженных ладонях. Что-то ей подсказывало, что неспроста, та начала весь этот разговор.

— Ты о чем, Мария?

— Ты только пойми меня правильно, соседка. Я вчера читала газету одну. Так вот что там пишется. Прямо твой случай. Как с Григорием твоим.

При этих словах сердце Дарьи Корзун учащенно забилося, и она отложила нож в сторону, предельно внимательно слушая Марию.

— Одна семья, кстати, тоже из Белоруссии — сделала запрос. И что ты думаешь? К ним пришел

ответ. Не сразу — сама понимаешь, на это нужно время. Архивы там, запросы всякие... Но опознали мужчину. Выслали адрес. Родня там у него еще осталась. Где-то с Вологодской области он сам родом. Понимаешь, Дарья? Опознали, — сделала акцент на последнем слове Мария. — А лет то немало прошло. Вот я и подумала — может и тебе это сделать. Попробовать то стоит, а? Сама столько раз говорила, что на душе у тебя не спокойно. Говорила ведь?

Дарья закрыла глаза, а к горлу подступил ком. Слова Марии били по — живому. Время не лечит всех ран — ей ли не знать. Остаются шрамы, которые не забываются.

— Дарья ты чего? — вдруг всполошилась Мария и прикоснулась к соседке, и стала медленно трясти ее за руку, словно почувствовав, что той стало нехорошо.

Вот значит, откуда тревога взялась. Чувало ее сердце — не подвело. Сколько раз она собиралась сделать то, что сейчас ей предлагала Мария. Боязно ей, но свою душу ведь не обманешь. С каждым годом ей становилось все тяжелей и тяжелей.

— Газету завтра принесешь, с молоком. Только так чтобы Григорий не видел, — решительно сказала Дарья, открывая усталые глаза.

Мария стала гладить ее руку и приговаривать, подымаясь при этом со своего места.

— Правильно, Дарья, правильно. Я, пожалуй, пойду. Сорванцы, небось, заждались меня. Пойду их лечить соседка. До завтра, — совсем тихо на прощание произнесла Мария и ушла, аккуратно закрыв за собой дверь.

Когда через несколько минут в дом вошел Грыгор, Дарья совсем по-другому посмотрела на него. Но он ничего не заметил...даже тонкую скупую слезу на ее лице.

Июль 1966 года. ГДР.

Он подошел к окну и устремил свой взгляд на раскинувшийся сад. Сейчас, в начале июля, сад в своей непревзойденной красоте, конечно же, уступал красоте весеннего сада, по его мнению, когда все оживало, благоухало, заполняя все пространство неповторимым ароматом, а от палитры красок все рябило перед глазами. Нежные бутоны едва зарождаемых плодов начинали жить своей особенной, вегетативной жизнью. Еще с самого раннего детства Людвиг любил наблюдать за этими невероятными перевоплощениями в дивном, сказочном, как тогда ему казалось саду. Он словно находился внутри этой волшебной открытой сказки, в которой он занимал одно из ведущих мест. Аромат деревьев, тихое пение птиц будоражило его воображение. К чему бы он ни прикасался — все

оживало, говорило с ним только на понятном для него языке. Листья шептали и пели свою мелодию, которую охотно подхватывали птицы и несли мотив вверх, в безоблачную даль, переплетаясь с симфонией весеннего неба. Любовь к природе и всему окружающему ему привила его мать, которая всегда оберегала его: преданно и беззаветно, только с присущей ей манерой, подать все правильно и тонко, пытаясь достучаться до юношеского сердца, начинающегося оттаивать от пережитых трудных военных годов, когда они остались одни со своими бедами и страхами. Скрип паркета прервал его мысли и Людвиг повернулся на приближающиеся звуки. В распахнутые двери въехала коляска. Это была его мать. Несмотря на свое физическое состояние, выглядела она как настоящая аристократка, словно пришедшая из прошлых веков — важная, гордая и всегда с торжественным взглядом на лице. Недуг не сломал ее, а лишь закалил. Людвиг знал, каких усилий она приложила, чтобы выглядеть так безупречно. Но зная ее характер, много от нее он и не ожидал. Сегодня она была в своем любимом летнем платье, с длинными рукавами, ей же и сшитом (она всегда одевала его, когда Людвиг приезжал к ней), с гордо поднятой головой, с взглядом настоящей аристократки. Тонкую шею закрывала зеленая шелковая шаль, ниспадавшая до спиц колес

инвалидной коляски, в которой она сидела. В ее глазах стояла радость и восхищение при виде единственного сына.

— Людвиг, ты, когда отправляешься в Советский Союз?

О его поездке в СССР она узнала накануне, из их телефонного разговора, когда он звонил из Берлина.

— Отъезд делегации намечен на послезавтра, мама, — ответил Людвиг, внимательно всматриваясь на мать. Серые шины ее коляски оставляли глубокие борозды в ковровом напольном покрытии.

Тон говорившей матери выдавал в ней волнение, что с ней случалось крайне редко. Она остановила коляску в паре шагов от него. Затем стала доставать что-то из кармашка своего платья. Людвиг стал с нескрываемым любопытством смотреть на нее. В ее руках оказался пожелтевший лист бумаги. Что это за лист такой? Но вопроса задавать не стал, хотя подметил, что этот исписанный лист чем-то важен для матери. Она заметно нервничала: пальцы сжимавшие листок чуть заметно дрожали, а ее нижняя губа слегка дернулась.

— Людвиг я хочу тебя кое о чем попросить, — начала мать и он понял, что его предчувствие его не подвело.

— Да, мама, — покорно, как и подобает послушному сыну, ответил Людвиг.

— Людвиг, ты достиг больших высот, несмотря на свой возраст. Отец был бы горд за тебя, — мать сделала небольшую паузу, тяжело вздохнула (она это делала всегда, когда вспоминала об отце), а затем продолжила: — как впрочем, и я. Но не забывай, кому мы обязаны этой жизнью.

Людвиг еще не совсем понимал, к чему она завела этот разговор, и поэтому не стал ее перебивать, дав ей возможность высказаться.

— Помнишь ли ты того русского солдата, укрывшего нас своим телом от летящих осколков?

Как же он мог забыть человека спасшего их от смерти. Прошел двадцать один год после той страшной войны, но его память крепко хранила те воспоминания, помня все практически в каждой детали: тихий скрип сапог, веснушчатое лицо русского солдата, шепот и протянутая молодая, но такая крепкая рука. Рука освободителя. И взрыв — мощный, оглушающий и разрушающий все на своем пути. Но только не их.

— Я надеюсь, ты помнишь еще, как мы часто навещали его в том госпитале на окраине города?

Генрих еще тогда не понимал, как его матери удалось найти местонахождение русского солдата. Тогда в городе царил настоящий хаос. Повсюду неразбериха, руины, груды мертвых людей по

всему городу. Многочисленные расспросы, непонимающие взгляды и непонятные, незнакомые слова барьером вставали перед ними и освободившими их город русскими солдатами. После многочисленных безуспешных попыток, Людвиг с матерью уже и не надеялись найти своего ангела-спасителя, как прозвала его мать, но вера не оставляла ее, заставляя продолжать поиски каждый день, снова и снова. Их поиски увенчались чудом — им повстречался русский офицер, владевший их родным языком. Он направил их в бывший городской музей, где как, оказалось, разместился штаб русских войск, одно из немногих зданий оставшихся практически целым после стольких дней боевых действий. Для него так и осталось загадкой как мать нашла именно того солдата. Она никогда не останавливалась на полпути, всегда выполняя все до конца, требуя того же и от Людвига. Тот русский солдат узнал их сразу, как только они вошли в его палату, где кроме него лежало еще несколько таких же тяжелораненых, как и он. Все взоры были устремлены на Людвига и его мать. Той, слабой, но такой искренней улыбкой, спасший их солдат, казалось, осветил всю палату. Они еще долгое время каждодневно навещали его, принося с собой необходимые лекарства из их же аптеки. Все что осталось целым и не поврежденным. Он даже выучил несколько русских



слов: «спасибо», «катюша», «молодец» и главное слово, как говорил тот солдат: «победа». «Но к чему вела мать?» — задавался немым вопросом Людвиг.

— Его звали Па-а-а-вел Я-ку-б-ба, — мать стала читать, по слогам, слегка замешкавшись. — Он воспитанник приюта, вернее как принято там говорить — интерната. Он должен был работать в городе... — и мать назвала город, но Людвиг о таком городе никогда не слышал, хотя и тщательно готовился к поездке, изучая историю страны победившего коммунизма, где главными городами считались — Москва, Ленинград, Киев.

— Я все это записала еще тогда из его слов. Вот его адрес, написанный собственноручно, — и мать протянула Людвигу уже затертый, пожелтевший листик бумаги, вырванный из какой-то тетради, неизвестно как оказавшийся тогда в палате. Она хранила его все эти долгие годы? Для нее как оказалось, он был очень важен.

— Мама, уж не хочешь ли ты сказать ..., — начал осторожно Людвиг, но поднятая, вся в прожилках, тонкая рука матери остановила сына на полуслове.

— Именно это я и пытаюсь сказать тебе. Найди того солдата. Ведь ты будешь встречаться с самыми высокопоставленными людьми той страны. Попроси их об этом. Я думаю, они не откажут тебе.

Советская система чтит своих героев. Я знаю это не понаслышке.

— И даже если мне помогут его найти... — остановился Людвиг, не понимая, что мать может предложить взамен за их спасенные жизни.

— Повидайся с ним лично. И поблагодари за нас от всей души и сердца. Я этого уже сделать не смогу...

Последние слова матери насторожили Людвига. Он почувствовал боль родного человека. Связь, которая всегда была с ними, неразделимо шла рука об руку все эти годы, когда они остались одни. Недуг матери он переносил очень тяжело, также болезненно, как и она сама. Но тяжелая болезнь не покидала ее вот уже на протяжении довольно — таки длительного времени.

— Да, мне осталось недолго, пускай, и прозвучат эти слова как приговор мне, но я все же скажу. Я хочу сполна отдать долг тому русскому солдату, подарившему нам с тобой эти долгие годы, когда мы вместе. Помоги ему, сын, в чем бы он ни нуждался. Ведь у тебя такие большие возможности сейчас. Не забывай, кому ты обязан жизнью, и кем ты стал сейчас. Будущее принадлежит тебе, Людвиг и ты обязан прожить остаток жизни так, чтобы остаться достаточно порядочным человеком, умеющим ценить и хранить то, что нам предназначено судьбой. Прошу тебя найди его...

Людвиг понимал, что это была заветная просьба матери, которую он не мог не выполнить...

## 1

Понедельник. 11 июля 1966 года. Один из южных городов СССР.

Мой организм работал как заведенный будильник, просыпаясь всегда в нужное время. Началось все с Академии, хотя изначально завелось еще с армии. Именно армия дала мне первый зародыш этой привычки. Я вставал раньше всех — делал зарядку, отжимался от пола, бегал на стадионе, который как раз и был возле общежития, к большому недоумению многих моих однокурсников, да и не только их. Но для меня это уже стало постоянной привычкой, а, как известно: «человек — раб своих привычек». Мать не раз говорила мне, что это как-то неправильно, но ее слова абсолютно не задевали меня и я не считал это какой-то человеческой аномалией. Я всегда отшучивался типа пословицей: «кто рано встает, тому бог подает», но мать всегда махала на меня рукой и на этом все заканчивалось. Я слышал, сквозь сон как рано утром по улице проехала поливочная машина, смывая все старое и зарождая

новое: новый день, новые ощущения, новые эмоции, новые события. Затем на смену машине, видимо спрятавшись от струй воды, жалобно заскулил дворовой пес Кузьма — всеобщий любимец и друг детишек со двора. Каждое утро было неповторимым — будь то лето, зима или весна, или та же осень. Я уснул ненадолго, буквально на несколько минут, и был разбужен теплыми согревающими лучами, которые уже вторглись сквозь тонкую материю штор. Они ласкали своим воздушным прикосновением мое вспотевшее за ночь мускулистое тело. Своеобразный сигнал, подстегивавший к подъему. Я резко вскочил, закинул полотенце себе на плечо и вышел из своей комнаты, как раз под звуки вещающего радио.

— В эфире «Пионерская зорька».

Мать уже копошилась на кухне, судя по доносившемуся оттуда шуму. Готовила мне завтрак.

— Мам, доброе утро, — крикнул я ей, направляясь в ванную. — А что у нас на завтрак?

— Твоя любимая яичница с колбасой, сынок, — донеслись тихие и мягкие слова матери.

Я довольно улыбнулся. Аппетит у меня всегда был отменный, даже с самого утра, а мама старалась держать все под контролем, если это касалось меня. Чтобы был накормлен, обстиран,

наглажен, прежде чем идти на службу. Ведь когда я вернусь — никому не известно. Порой меня не было дома по несколько дней. Служба обязывала, и от этого никуда не денешься.

— Ну, ты скоро там? — подгоняла мать.

— Иду уже, иду, — я наспех вытерся полотенцем, и не заставил себя долго ждать, в предвкушении ожидающего меня завтрака.

Войдя на кухню, я подставил свежевыбритую щеку для поцелуя матери.

— Давай, садись уже, — торопила меня мама, метнув короткий взгляд на часы.

На столе уже стояла тарелка с нарезанными помидорами и хлебом. На лице матери не было и тени усталости, несмотря на то, что она пришла уже за полночь, после смены на фабрике. Волосы аккуратно заколоты, в глазах живой огонек, на лице застывшая усмешка.

— Форму я погладила. Так что ешь и не торопись, время еще у тебя есть.

— Когда ты все успеваешь? — я не переставал удивляться ее энергии. — Как прошла смена?

— А что смена? Смена, как смена. Ничего особенного. Правда, получили большой заказ — теперь работаем усиленно, можно сказать. Нужно успеть к сроку. Девчонок нам новых, молоденьких привели в цех. Стажируем. Обучаем. Симпатичные такие девчата. Смекалистые, всё подхватывают на

лету.

— И тебе дали, наставница?

— А как же. Оксаной зовут. Красивая такая девчонка. Коса у нее пышная такая, губы бантиком. Скромница, да и руки золотые. Чувствую еще пару деньков, и она меня заткнет за пояс. Я уже почти не попеваю за ней. Хочешь, познакомлю? На выходные? — с хитринкой во взгляде спросила мать.

Все. Мать завела свою старую, заезженную песню. Нужно поскорее доедать и идти на службу, а то от нее не отвяжешься. Она уже, сколько времени носилась со своим навязчивым желанием меня женить. И чем скорее, тем лучше для нее. Я ее прекрасно понимал. Каждая мать хотела самого лучшего своему ребенку. Ведь мне уже скоро тридцать. Большинство моих одноклассников, впрочем, как и сослуживцев, уже давно окутали себя оковами Гименея. Растят детей, живут полной семейной жизнью. А я — ловлю хулиганов, бандитов, всякую криминальную наволочь, которая порождает в нашей стране страх, панику и зачастую смерть. Но мое сердце по-прежнему оставалось свободным. Даже после того как уехала Виктория. А прошло не так уж и мало, почти целый год, но ни одна девушка еще не заняла своего места в моем холостяцком статусе.

— Хорошо. В субботу, — я притворно поднял

руки вверх, словно соглашаясь с предложением матери, лишь бы она не докучала. Сегодня начиналась рабочая неделя, а значит впереди еще долгие пять дней. А там я найду причину, чтобы оставить без внимания неизвестную красавицу, как там мать говорила, ее зовут — Оксана? Мама как — будто читала мои мысли. Посмотрела недоверчиво, настороженно, недоумевая, что я так быстро сдался. Не спорил, не заводился. Такое случалось крайне редко.

— Ой, ли! — воскликнула мать. Все-таки провести ее не так уж и просто.

— Все, мама. Начинаю новую жизнь. Совсем скоро ты услышишь торжественный марш Мендельсона. Обещаю. И тогда тихо в уголку будешь вытирать носовым платком свои слезы от счастья, что наконец-то твой сын набрался ума и входит в такую же тихую, как и облюбованный тобою угол в Загсе, бухту гавани, где уже стоят на рейде корабли, на корме которых выведено вот такими огромными буквами слово «Семья».

Да, загнул я конечно. Чуть сам не спрыснул от смеха, но вовремя сдержался.

— Все шутишь, весельчак, — мать легко ударила меня кухонным полотенцем по спине. — А еще работник уголовного розыска. Надо позвонить в ваш отдел кадров. Пускай пересмотрят дела сотрудников, — настал черед шутить матери.

— Тебе мало того что с меня высчитывают за бездетность так еще хочешь чтобы меня уволили? Так я тебе путевку в Туапсе не заработаю.

— Какую путевку? — спросила мама, не понимая, к чему я веду.

— Ну, должен же я как-то обустроить свою личную жизнь. А так поедешь на месяц — отдохнешь,купаешься в теплых водах Черного моря. А там глядишь, за месяц на пороге я уже буду встречать тебя с Оксаной.

— Ну, Максим, умеешь ты все перевернуть в свои шуточки. Точно позвоню, — пригрозила мне пальцем мама.

— Все, мам, спасибо. Буду бежать.

Мать лишь провела меня взглядом и принялась убирать со стола. Уже на пороге, когда я надевал форменную фуражку, я услышал вдогонку привычное мамино: «будь осторожен, Максим».

Наш дом просыпался после выходного дня. Из соседних подъездов лениво и с явной неохотой выходили жильцы, направляясь на свои рабочие места. Из площади, которая находилась совсем рядом, доносился звонкий, мелодичный голос. Я его узнал сразу. Он принадлежал Валентине Левко, которая пела о любви. Солнце набирало свои обороты, обещая превратить день в настоящее испытание подступающей июльской жарой.

— Доброе утро, Максим Анатольевич, —



услышал я за спиной голос нашего дворника — Степана Алексеевича Сыпко.

В неизменном фартуке, надетом поверх тонкой ситцевой рубашки, Сыпко в любой одежде всегда выглядел старше своих лет. Он переехал в наш город совсем недавно из Донбасса, где проработал не один десяток лет на шахте. Но покачнувшееся здоровья и категоричные наставления докторов о смене климата привели его в наш теплый приморский город, где он устроился дворником, получив комнатуху, как и положено в его случае, на первом этаже. Меня удивляло, что такой человек как Степан Алексеевич и живет один, без семьи. Трудолюбивый, учтивый, характер спокойный. Руки золотые. Никогда не откажет в помощи. Но спросить его об этом я не решался. Не любил я лезть людям в душу.

— Завтра игра. Наша сборная с Кореей играет. Как думаешь, Анатольевич, выиграем?

— Первая игра всегда волнительна, Степан Алексеевич. Я думаю, наши футболисты сумеют перебороть своё волнение и покажут хороший футбол. Главное атаковать и реализовывать свои моменты. Вот тогда победа никуда от нас не денется, Степан Алексеевич.

— Выиграем точно? — Казалось, мои слова ему пришлись по душе.

Сыпко слыл рьяным болельщиком футбола, не

пропуская ни одного матча с участием нашего городского клуба играющего в первой лиге СССР.

— Один ноль в нашу пользу?

— Три ноль, Алексеевич, — и я четко ему показал три пальца на руке, приведя его в радужное настроение. Я заметил, как из его ухоженных усов зародилась скупая улыбка.

Обнадежив, таким образом, Степана Алексеевича я направился к трамвайной остановке, заприметив двухвагонный трамвай «семерка» выскочивший из-за угла поворота улицы. Но не тут — то было. Напрасно я надеялся попасть на трамвай. Кто-то настойчиво меня звал. Я обернулся на голос. Ко мне спешила Варвара Семеновка Шпак, мамина подруга, живущая в доме напротив. Я знал ее с детства, как и ее семью. Они часто ходили к нам в гости, когда жив был еще мой отец. В последнее время ее визиты были не так часты, и на то были свои причины.

— Максим, здравствуй. Ты извини меня, что окликнула тебя. Тебе ведь на работу, — приложила руку к сердцу, Шпак, дыша тяжело и с придыханием.

— Что-то случилось? — спросил я, заметив тень обеспокоенности на лице женщины. Ведь не просто же она звала меня.

Хотя вопрос мог и не задавать. По своей натуре я был человеком наблюдательным.

Издержки профессии обязывали, в первую очередь. Красные, уставшие глаза, темные круги под ними и тревога на лице, ясно дали мне понять, что Варвара Семеновна провела не самую лучшую ночь в своей жизни.

— Да, Гришка мой. Совсем от рук отбился. Как Иван уехал в Ташкент, так сил моих нет с ним. Шатается непонятно где целыми днями. Друзей новых завел. Вчера пришел поздно ночью. Я встала. К нему, а от него разит спиртным. Закрылся в комнате и меня не пускает. Я по карманам. А в пиджаке — деньги. Пятьдесят рублей. Представляешь? Откуда такие деньги? Спит теперь подлец, — стала сокрушаться Шпак.

Ее сын — Гришка Шпак был десятиклассником. Вернее перешел в десятый, выпускной класс. Шустрый парень. И таким, настолько я помню, он был еще с самого детства. Заводила дворовой компании. Вокруг него всегда кружились парни нашего двора, да и соседские то же не чурались водиться с ним. Но до сих пор проблем с ним не было. Отец уехал восстанавливать разрушенный землетрясением хлебный город, а парень как оказалось, совсем пошел по наклонной. Варвара Семеновна женщина спокойная, тихая и для нее, конечно же, произошедшее стало настоящим потрясением.

— Ты бы зашел к нам после работы. Поговори

с ним. Сам знаешь до беды одной рукой подать, — тоном встревоженной женщины попросила Шпак.

— Хорошо, Варвара Семеновна. Проблему вашу я понял. Зайду, — твердо пообещал я.

— Когда? — В глазах женщины поселилась надежда.

— Сегодня и зайду. Только после шести постарайтесь не выпускайте его из дома.

— Спасибо, Максим. На тебя у меня только и надежда.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке, — заверил я женщину, поймав себя на том, что уже с утра я дал обещания двоим: Сыпко в успехе сборной и Шпак — в попытке образумить распоясавшегося сына.

Попрощавшись, я пропустил, конечно же, свой трамвай. Но к приходу следующего за ним, который к моему несчастью пришел чуть позже, чем следовало, я поймал себя на мысли, что на службу я прибуду с опозданием. А учитывая, что в управлении на данный момент, из-за сложившихся обстоятельств, именно я старший в отделе, то какой пример я показываю своим подчиненным, с таким отношением к делу. Всю дорогу до управления меня преследовали не самые лучшие мысли, и потому как только остановился трамвай, я пулей прямо вылетел с него, понимая, что все равно опаздываю.

У входа в управление на обычном месте стоял «глазастый» ГАЗ-21, у которого копошился Захарыч. Он же — Филиппов Федор Захарович. Но все почему-то звали его именно так — Захарыч. Только он один, из всех водителей, с присущей ему щепетильностью и даже можно сказать маниакальной заботой относился к автомобилям. Порой мне казалось, что он даже разговаривает с ними, с этими железными конями на своем особом языке. Заприметив меня, он лишь вскинул брови вверх, и я не понял его жест-то ли это упрек, то ли понимание, то ли что-то другое, понятное лишь ему одному. Кивнув ему в ответ я, перепрыгивая через две ступеньки, почти вбежал в здание городской милиции.

## 2

— Ткаченко, тебя начальник срочно вызывает, — с порога услышал я скрипучий голос Волошина, дежурного сержанта, выглядывавшего из-за стойки. Услышанная фраза из уст уставшего после ночного дежурства сержанта не предвещала мне ничего хорошего.

— Что за пожар? Не в курсе?

— Не знаю. Сказал, как только ты объявишься сразу к нему, — безучастно ответил Волошин и занял свое место у стола, продолжая записывать

что-то в журналах по передаче дежурств.

Не каждый день, вот так с ходу меня вызывает Тарасенко. Если бы что-то случилось серьезное, Волошин бы мне доложил. Гадать не имело смысла. Нужно идти. Я машинально здоровался с коллегами, направляясь по коридору к полковнику. За глаза мы называли Тарасенко — Граф. Свое прозвище он получил из-за его жены-полячки, которую он привез с собой, с войны. Ходили слухи, что у нее дворянское происхождение и в Польше у нее осталось большое имение. Я всего лишь пару раз встречался с Агнешкой — так звали жену полковника. Последний раз еще на 8 Марта — и этот день впервые объявили выходным днем. Был концерт, где присутствовали все сослуживцы со своими вторыми половинками. Агнешка была женщиной видной, красивой, выглядевшей не по своим годам. Она работала в городском драматическом театре — художественным руководителем. Настоящая аристократическая особа, словно попавшая к нам из прошлой эпохи, чего не скажешь о Тарасенко. Мы тогда долго судачили, что же объединяло этих двух совершенно разных людей. Но ясного и определенного ответа так и не нашли. Порой человеческие судьбы так переплетаются, что понять их просто невозможно. Нет никакой логики в том, что возможно уже предрешено за нас простых смертных.

Я вхожу в приемную. Вера Ивановна Зайцева, секретарша, на секунду оторвалась от печатной машинки и при виде меня лишь кивает на кожаную двойную дверь — мол, быстрее, ждет. Знак, который я понимал без всяких слов. Решительно открыв дверь, я вхожу. Кабинет Тарасенко не слишком большой, как для начальника городской милиции. Обстановка в кабинете главного милиционера города — сама скромность и неприхотливость. Справа от двери, практически на всю стену — карта города. Стол в форме буквы П., стеклянный шкаф в углу, над которым возвысился неотъемлемый атрибут любого кабинета — кактус. На меня в упор сначала смотрел не Тарасенко, а сам Леонид Ильич Брежнев, с портрета, висевшего как раз напротив меня. Новый генеральный секретарь, утвержденный весной этого года. В отличие от Брежнева, Тарасенко Лев Иванович свое место занимал уже давно.

— Входи, Максим. Садись, — Тарасенко посмотрел на меня бегло, сверху вниз. Его тон не предвещал ничего, что могло бы вызвать у меня волнение. Так обыденно руководство разговаривает со своими подчиненными. Мне оставалось только ждать, что повлекло за собой столь раннее приглашение в кабинет полковника, да еще ко всему так срочно.

— У меня к тебе небольшая просьба. Оставь

все свои дела и поезжай на Стеклотару. Северный переулок, знаешь где? — хитро прищутив свои блекло-водянистые глаза, спросил полковник. На моем языке уже вертелось что-нибудь язвительное, но я сдержал свой порыв, ожидая продолжения.

— Ну, знаю. Там что-то случилось? — не любил я играть в эти все «кошки-мышки», предпочитая во всем ясность.

— Понимаешь, тут какое дело, — и тут, наконец, он переходит на деловой тон. — Вчера, после обеда, был звонок с Киева по нашему ведомству. Заметь в выходной, и звонили мне лично, на домашний номер. Вообще всех деталей я тебе не скажу, так как и сам совершенно ничего не знаю, но попросили найти гражданина Якубу Павла Сергеевича, проживающего как раз на Северном переулке.

Я решил немного пофантазировать и представил себе как Тарасенко сидел в своем любимом кресле, наслаждаясь чтением газеты, после трудовой, тяжелой недели, под шум доносившейся из кухни звона посуды, где его любимая жена Агнешка готовила роскошный семейный обед и тут вдруг...звонки, нарушивший идиллию полковника.

— Но так это участок Присяжнюка, — не стерпел я все-таки, услышав столь странную просьбу. — Пускай он и наведается.



— Ну, что ты за человек такой, Максим? Дослушай до конца. Было бы все так просто — я бы тебя не посылал, — чуть резко заговорил Лев Иванович. — Посылал я Присяжнюка. Но там какая-то неразбериха получается. Вот уже несколько дней как этого Якубы нет в квартире. И никто и ничего не знает, где он и что с ним. А его самого велено доставить в Киев. Наше дело, сам знаешь какое — выполнять, — с нажимом на последнем слове сказал Тарасенко, дав, таким образом, и мне намек, чтобы меньше переговаривался. — Ты у нас кто?

— Кто? — переспросил я, не понимая, к чему клонит полковник.

— Уголовный розыск, — и он протянул свою грубую ладонь в мою сторону. — Вот и выясни, что там и как.

— Товарищ полковник у меня ограбление квартиры инженера Ляшко. Мероприятий по самое горло. Опрос жильцов, сослуживцев, — стал я приводить весомый аргумент в попытке улизнуть от предложения Тарасенко.

— У тебя в отделе работают ребята толковые и опытные, справятся и без тебя. Вот пускай они ими, и займутся твоими мероприятиями. Поставь задачи, и пускай выполняют. Приедешь — проверишь. Вот проблема то, капитан. Все давай, не начинай. Не люблю я всего этого, — Тарасенко

состроил такую мину на лице, словно он только что съел дольку лимона.

— Может... — попытался я заартачиться, но был остановлен характерным жестом Тарасенко, когда он поднимал свою руку вверх, а затем и плавно опускал вниз, решительно останавливая все мои попытки что-либо сказать. Против такого уже не попрешь, мне ли не знать.

— Все, хватит разглагольствовать. Это-приказ. Звони в любом случае и докладывай обо всем. Я буду ждать.

И так тихо положил руку на стол, подведя черту под разговором.

### 3

То, что день не задался, я понял еще с самого утра. Сначала мать со своей затеей познакомить меня с какой-то Оксаной, затем тетя Варвара с непутевым Гришкой. Венцом всего стал этот разговор в кабинете Тарасенко. Пойди, найти какого-то мужика, непонятно по какому-то делу он там понадобился, еще и по нашей линии, а ж в самом Киеве. Теперь тащись через весь город. Дело может быть выеденного яйца не стоит, а обязательно я должен этим заниматься. Человек, возможно, загулял, если не женат, конечно. Вариантов множество. Уехал навестить

родственников. Да мало ли где он может быть в нашей необъятной стране. Уехал на рыбалку, к друзьям в Среднюю Азию. А что — взял отпуск и укатил. Все это я хотел сказать Тарасенко, но разве бы он меня послушал? Такова наша профессия. Не болтай, а выполняй. С участковым Присяжнюком я был знаком лично. В прошлом году на его «территории» произошло убийство, которое мы расследовали. Как по мне, Присяжнюк мужик угрюмый, нескладный, малословный, но весьма наблюдательный и исполнительный, что для участкового не маловажно. Отец троих детей и женой инвалидом. Наверное, семейное положение и наложило свой отпечаток на его непростой характер. Еще в управлении я дозвонился до участкового и назначил место встречи, попутно пытаясь выяснить ход всей этой истории. Но ничего вразумительного, как я и ожидал, не услышал. Сойдя на остановке, у кинотеатра «Спутник», где и была назначена встреча, я стал дожидаться Присяжнюка. За стеклянной витриной кинотеатра разместилась красочная афиша нового фильма. Детектив. «Два билета на дневной сеанс», где в главной роли снимался Александр Збруев. Как для меня не самое подходящее название для детективной киноленты. Название навевает романтику, время влюбленности, когда молодые пары целовались на задних рядах кинотеатра. Вот

если бы название звучало по-другому, типа: «Выстрел в ночи», «Тревожная неделя», то тогда было бы все понятно. Хотя нашим киношникам фантазии не занимать. Наступившая оттепель давала возможность проявиться всем без исключения. В том числе и в кинематографе. Проходящие мимо горожане внимательно смотрели на афишу вечернего сеанса в предвкушении поскорее закончить свой рабочий день, и продолжить посещением киносеанса, когда можно будет расслабиться и с головой окунуться в сюжетную линию фильма. В последнее время уж советский народ любил ходить в кино. Можно сказать, наступил прямо кинобум, который как я знал, по статистике посещаемости бил все рекорды не только в нашей стране, но и за рубежом. По оживленной очереди я заметил газавтоматы, стоящие в ряд у стены «Спутника». Новое введение пришлось по вкусу населению, тем более в час пик июльского знойного дня. Пока не пришел Присяжнюк, я занял очередь, за габаритным мужчиной, потирая в ладошке заветные три копейки, дающие мне право выпить стакан холодной газированной воды. Мелкая, но радость, тем более непонятно когда я попаду в нашу столовую при управлении. Утолив жажду прохладительным напитком мне уже хотелось поскорее добраться на Северный переулок и

закончить с этим делом. Скорее всего, Присяжнюк что-то напутал и в скором времени все выяснится. Пришлось мне ждать недолго. Георгия Присяжнюка я заметил у газетного киоска. Шел быстрым шагом, как всегда сутулясь, выделяясь среди среды прохожих из-за своего роста. Эдакий Гулливер среди лилипутов. Ростом он был за два метра и когда ты остаешься с ним один на один, то я чувствовал себя немного неуверенно. Возможно все дело не только в разнице роста.

Заметив меня, он выбросил недокуренную сигарету в урну и решительно подошел ко мне, протянув руку. Рукопожатие его было крепким, настоящим мужским. Моя ладонь так и растворилась в его могучей клешне. Глаза красные, взгляд бегущий, настороженный. Понимал всю сложившуюся ситуацию, которая лично мне казалось нелепой и вполне решаемой.

— Здравствуй, Георгий.

— День добрый, товарищ капитан, — прокуренным басом ответил старшина, при этом как-то странно дернув плечами, чего я раньше за ним не замечал.

— Жора, давай сразу перейдем на «ты» и без всех этих... — махнул я рукой, решив поскорее закончить с этой пустяшной как для меня формальности.

Я любил, когда люди общались просто, не

соблюдая какую-то между ними дистанцию. Присяжнюк лишь молчаливо кивнул, соглашаясь с моим предложением.

— Нам в какую сторону? Веди, участковый, — улыбнулся я старшине, коснувшись при этом к рукаву Присяжнюка, дав знак чтобы он не переживал так сильно. Когда человек спокоен, тогда и беседа вяжется, это одно из моих правил в общении с людьми. А вот когда человек напряжен, взволнован или напуган, тогда что-нибудь ясного и связного он тебе не скажет. Проверено опытом.

— Давай рассказывай что там и как? Только все по порядку, — я едва поспевал за широкими шагами старшины.

Хоть беги рядом с ним.

Присяжнюк сжав кулак и прокашлявшись в него начал свой рассказ:

— Ну, значит, пришел я в дом, на квартиру этого Якубы. Стучал, звонил. Мне никто не ответил. Вышла старушка соседка. Говорит, что его уже не видела несколько дней. Я спросил ее: «Как мне можно найти ее соседа?», но та лишь развела руками. «Я с ним редко общаюсь и ничего о нем не знаю. Живет и живет. Мне не мешает», — и весь сказ. Я по квартирам прошелся, конечно. Там их всего пять семей живет, но ответ все тот же: «не знаю», «ничего не видел», — как — будто сговорились все. Где работает, чем занимается —

никто ничего вразумительного не сообщил.

— Подожди, Жора. Как это пять? Насколько я понял дом многоквартирный? Чего же жильцов так мало? Куда они все подевались? — зародился у меня первый признак живого интереса, который никак не относился к моей цели.

Присяжнюк ответил мгновенно, словно ожидал моего вопроса.

— Дом там старый, двухэтажный, еще построенный за царя гороха. Водопровода нет. «Толчок» и тот общий на улице, держится на одном честном слове. Дом давно хотели снести, но все никак руки не доходят. Так и стоит. Остался там народишка, век доживает, а кто пошустрей и поумней, уже давно съехали. Место там конечно жутковатое, — рассказанная история еще больше принесла мне остроты.

Вот тебе и советская действительность. А сколько таких домов по всему Советскому Союзу? Особенно в промышленных городах. «Н — да, дела» — подумал я, а вслух спросил: — И что дальше?

— Ну, думаю, воскресенье. Законный выходной. На рыбалку не грех пойти, море ведь рядом — вниз и пожалуйста, лови себе, не хочу, хоть целый день. На лодке катайся.

— Правильно думаешь, Присяжнюк, — по-мужски, похвалил я старшину, соглашаясь с его

мнением. Ведь и я грешным делом думал же об этом.

— Ушел я тогда, несолоно хлебавши. Решил вечером подойду — авось застану.

— И что вечер?

— Да, ничего. Все то же. Походил я под окнами, около часу. Только глаза мозолил жильцам.

— А что жильцы? Не интересовались — почему вдруг милиционер объявился снова?

— Странные там обитатели. Лишь в окошко выглядывают и шторы прикрывают, словно игнорируют меня. А потом приехал пацаненок один на велосипеде. Драка завязалась на дискотеке. Я и ушел порядок наводить.

Все это мне начинало, не нравится. Что же это за люди такие, что все им нипочем. Или суровая обыденность окраины лишила их всего человеческого? Хотелось бы мне взглянуть в их лица, угадать, чем живут и дышат.

— Больше не заходил? — спросил я, предчувствуя отрицательный ответ.

— Да, там драка нешуточная завязалась. Пришлось наряд вызывать, чтобы всех зачинщиков поймать. Поножовщину устроили — пришедшие с соседнего района. Лишь в два часа ночи все закончили. Сам знаешь как оно-рапорт, кто да что... Бумажная волокита.

Суровая работа у участковых, тем более вот



тут — на окраине, среди рабочей массы. Район считался не самым благополучным. Проживали здесь представители разных сословий и национальностей — евреи, армяне, цыгане, а как же без них. Прямо как в гимне «союз нерушимый республик свободных». Свое название — Стеклотара район получил благодаря заводу по производству посуды и тары из стекла. Продукция, которая всегда была востребована у нашего народа.

— С утра был? — больше для проформы спросил я. Но услышанный ответ удивил меня.

— Да я с утра решил наведаться по нашим госучреждениям — выяснить насчет этого Якубы. Пошел в наш районный паспортный стол — может, съехал человек на другой адрес. Такое иногда случается. Дом ведь там практически аварийный. В паспортном столе я выяснил — проживает товарищ Якуба в этом доме три года-с 1963. Место предыдущей прописки я тоже на всякий случай посмотрел. Здесь село есть небольшое. Колхоз такой — «Заря коммунизма». Я как-то раньше проезжал его. Вот там и жил. Но и это еще не все.

Присяжнюк доставал козыри с рукава, один за другим, интригуя меня все больше и больше. Умел ведь человек работать мозгами. Хлеб свой даром не ел.

— Еще койку имел в общежитии при судостроительном заводе. Четыре года давил

матрас, — почему-то тяжело вздохнул Присяжнюк и замолчал. Я решил, что это как-то касалось и его лично. Видать и он помаялся по всяким общежитиям и малосемейкам. Я невольно стал укорять себя, что практически ничего не знаю об идущем со мной рядом сослуживце. Плохо, Ткаченко, плохо.

— Теперь что касается его работы. Ведь я с утра ходил сам не свой. Все думал и думал об этом Якубе. Не женат, а ведь ему — пятый десяток пошел. Это я тоже выяснил в паспортном столе. Деток нет. Живет бирюком, у черта на куличках. Один как перст, — потянуло старшину поразмышлять о судьбе совсем незнакомого мужчины.

Этот Якуба прямо как наш дворник Сыпко, подметил я. Разговорился старшина, а я считал его малословным. С каждой минутой Георгий Присяжнюк вызывал у меня все большую симпатию. После небольшой, длившейся несколько секунд паузы, старшина продолжил.

— Узнал я, и последнее место, где он работал. Только это на другой стороне города. «Вторчермет» — есть такая организация.

— Приемка металлолома? — попытался я угадать.

— Да, вроде того.

— Ну, Георгий, молодец, — похвалил я

участкового, но в ответ он лишь достал помятую пачку «Примы» и, достав из нее сигарету, прикурил от спички, при этом жадно затянулся, словно наш разговор утомил его.

Оставшуюся дорогу к Северному переулку мы молчали, думая каждый о своем.

— Вон он — дом номер семь, — махнул рукой старшина, когда мы прошли пустырь, заставив меня внимательно присмотреться к пункту нашего назначения.

Дом действительно оказался старым. Кирпичные дымари наполовину развалены. Крыша старомодная, трехскатная, со светелкой. Фасад облущен, весь в трещинах, местами порос мхом, от сырости. Окна маленькие, узкие, словно бойницы крепости. Из одного окна торчала кривая труба. Скорее всего, в этой квартире была «буржуйка». Возле дома два совсем грубых деревянных столба, на котором сушилось чье-то белье. И фонарный столб, единственный атрибут цивилизации. Но могу побиться об заклад, что фонарь не радуется своим светом жильцов этого мрачного дома. Я думал, таких домов уже нет. А вышло вон оно как. Я посмотрел на Присяжнюка, но он лишь пожал плечами. Красноречивый жест: «мол, что я говорил».

— А все-таки прав был Владимир Ильич, — начал я, встретив недоуменный взгляд

участкового. — Коммунизм — есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Вот, Жора, наглядный образец тебе тезиса Ленина.

Кивнул я в сторону так и не снесенного дома.

Где-то залаяли собаки, учуяв чужого. Я подумал, что ночью этот дом и его окрестности наводят жуть, для тех, кто случайно сюда забредет. Не удивительно, что жильцов мало. Я бы то же съехал или сошел бы с ума, живя здесь. И народишка, скорее всего, проживает здесь не простой.

— Ну, что, Жора, пойдем брать эту Бастилию.

## 4

Чем ближе я подходил к дому, тем сильнее меня поражала тишина стоящая вокруг него. Ни тебе говорящего радио, ни чьих-либо других звуков. Даже домашних питомцев-кошек или собак поблизости я не заметил. Если бы не вывешенное белье и торчащая труба из окна, да протоптанная тропинка, ведущая к нему, дом смело можно бы было отнести к разряду домов-призраков.

— Квартира где? — нарушил я тишину своим вопросом.

— На втором этаже, вон там, слева, — указал Присяжнюк.

Я подметил, что интересующая нас квартира

была расположена под чердаком, а окна из нее выходили во двор. Я даже увидел занавески на окнах квартиры Якубы. Вытянув голову, я посмотрел дальше. Что — же находилось за домом номер семь? И не удивился, обнаружив аналогичный дом, стоящий в метрах пятидесяти от этого. Брат-близнец. Один в один. Справа от здания — ряд высоких тополей, вокруг которых уже образовалась шапка тополиного пуха, объездная дорога, небольшой склон, за которым виднелись коробки гаражей. В доме было два подъезда. Над обоими входными дверями разместились шиферные листы, заменяющие козырьки, держащиеся на грубо отесанных стволах акации.

— Ну, вперед, Георгий, — и я решительно потянул тяжелую дверь на себя.

Войдя в подъезд меня, сразу обвеяло запахом сырости, несмотря на то, что снаружи дома стоял июльский зной. Рядом с входом из расположенной слева квартиры доносились голоса, где преобладал сильный мужской голос.

— Был? — кивнул я в сторону квартиры.

— Семья молодая там живет, — ответил Присяжнюк.

Весь пол и лестничный пролет был сделан из досок, которые со временем прогнили, и потому предательски скрипели на каждом шагу. Мы поднялись на второй этаж, и я сразу определил

квартиру Якубы. Обычная дверь, такая, как и у всех, оббитая обычным дерматином. Я подошел к двери и чуть наклонившись, прислушался. Было тихо. Затем костяшками пальцев постучал напористо и долго, в тайне надеясь, что сейчас появится хозяин и вся проблема разрешится сама по себе. Но ничего такого не произошло. В ответ — все та же тишина.

— Гражданин Якуба! Милиция! Открывайте! — я применил часто используемую тяжелую «артиллерию», которая не раз открывала любые двери. Но дивидендов из этого я не получил.

— Что я говорил, — развел руками в стороны старшина, подчеркивая, таким образом, тщетность всех его предыдущих попыток попасть в квартиру.

— Тогда все сделаем по второму кругу, Жора. Давай к соседям. Тут кто проживает?

— Вон в квартире напротив, старушка. К ней первой и пойдем.

Но странное дело и в квартире напротив нас встретила тишина.

— Тогда вниз, — разочарованно произнес я, убеждаясь с каждой минутой, что прав был все-таки Присяжнюк. Прямо целый ребус, а не дом.

В отличие от верхнего, пустующего этажа, на первом нам сразу же открыли дверь, где мы тремя минутами ранее слышали шумные голоса. На пороге стоял мужчина лет тридцати-тридцати пяти,

плотный, черноволосый, крупные черты лица, резко очерченный рот, густые брови вразлет. На нем была одета белая майка из хлопка и штаны свободного покроя. Он бегло посмотрел на нас, но не стушевался, никак не выдал своего волнения, лишь обронил коротко: — Здравствуйте.

— День добрый. Капитан Ткаченко. Уголовный розыск, — и я предъявил ему свое удостоверение.

Но мужчина даже не взглянул на него, а пристально посмотрел на Присяжнюка, словно пытаясь понять, что собственно нужно нам, после того как вчера старшина проторчал здесь практически целый день.

— Ваш же коллега вчера приходил. Что-то случилось?

— Мы по поводу вашего соседа сверху.

— А что сосед? — удивленно спросил мужчина, продолжая нас держать на пороге.

— Простите, как вас?

— Миша я, — спокойно ответил мужчина, потирая небритую щеку. А затем тихо добавил: — Зяблов.

— Можно вас на несколько минут, — взял я инициативу в свои руки.

Зяблов крикнул внутрь квартиры: — Маша я буду через пять минут.

Но ответа мы не услышали, так как он закрыл

плотно дверь, и мы втроем вышли на парадное.

— Спрашивайте, хотя я ничего добавить нового не смогу. И вряд ли чем-либо помогу, — категорично заявил Михаил Зяблов.

Я покосился на Присяжнюка. Старшина стоял в стороне и нервно покуривал сигарету. Теперь вся власть перешла ко мне, мне и решать.

— Когда вы видели в последний раз Павла Якубу? — задал я первый вопрос.

Раздумывал Михаил недолго.

— Может на той недели, а может еще позже. Не помню. Да и зачем мне оно надо, наблюдать за ним что ли?

— Но как же так. Вас здесь совсем мало — всего несколько семей, а друг о друге ничего не знаете. Как-то странно все это выглядит со стороны, — попытался я задеть Зяблова.

— А чего мне за ним присматривать да дружбу водить? У него своя жизнь, у меня своя, — коротко ответил Миша Зяблов и я понял, что это одно из его главных критериев в жизни.

Скучно жили люди. Каждый под своим панцирем. Высунут голову, посмотрят по сторонам и снова под панцирь.

— Что и никогда с ним не переговаривались? Ну, там совместные перекуры, вместе возвращались или собирались на работу. Ничего, такого скажите, не было? — решил я зайти с другой стороны.



Зяблов снова стал потирать свою щетинистую щеку, и я понял, что это одна из его привычек, чтобы взять паузу, перед тем как ответить. Я пристально посмотрел в его глаза и понял, что сейчас у него есть, что мне сказать.

— Я как-то по этому делу, — и Зяблов рукой провел по подбородку, — попробовал с ним выпить. Пригласил. Говорю: «Что же ты мил человек, стороной нас обходишь. Может, пропустишь со мной рюмаху. Познакомимся ближе. Ведь не чужие. В одном доме живем. Ты сверху, я снизу».

— И что он?

— Вы на охоту когда-нибудь ходили? — вдруг неожиданно для меня спросил Зяблов.

Мне пришлось соврать, и я кивнул молча.

— Зверя загнанного видели? Вот так глаза в глаза? — настойчиво спрашивал Михаил.

Вот тут мне врать уже не имело смысла.

— Вот так в глаза в глаза — нет, — признался я.

— А я видел. И скажу вам как на духу — этот Якуба — почище всякого зверя. Зыркнул так, что я мигом протрезвел, и больше ничего мне не захотелось — ни знакомство заводить, ни хороводы под Новый год кружить, ничего, — сказал Зяблов как отрезал.

— Напугал вас?

— Нас не испугаешь, начальник. Всякого повидали, но таких людей лучше уж обходить стороной. Поверь мне, — и Зяблов приложил крепкую ладонь к своему сердцу.

Что-то мне подсказывало, что он говорит правду. Зяблов мужик «битый» и словами попусту просто так не разбрасывается. Кое-что я в людях понимал.

— Ну, может, видел кого с ним? Кто приходил, навещал? Друзей там?

— Я дома бываю редко. Вкальваю на угольном складе — водителем. Сегодня вот с ночной смены. График у меня скользкий. Часто подменяю, если надо. Коплю деньги. Хочу выбраться отсюда, из этого гадючника, и больше не встречаться с такими людьми как соседка моя. А насчет друзей — не знаю. Видел, как пару раз его подвозили на машине, но к дому не подъезжали. Пьянок он у себя не устраивал. Девок не водил. Хотя моя Машка и говорила, что видела пару раз, как в наш подъезд поднималась какая-то «фифа».

— Фифа? — хотелось бы мне знать, что жена Зяблова подразумевала под словом «фифа».

— Ну, такая вся из себя: прическа, яркая помада, одежда дорогая. Женщины они ведь все тонкости подмечают.

— И часто приходила?

— Жена говорила, что не часто.

— С женой поговорить можно? — решился я спросить.

— Кормит сына, — ответил Зяблов. — Сын у меня два месяца назад родился. Но если вам так срочно надо. Позову, только не долго. Хорошо? Я еще не приноровился смотреть за детенышем. Робею, — засмутился Зяблов, и как мне показалось, у него даже выступил румянец.

Вот надо тебе такое. Такой большой человек, на зверя ходил, а с собственным ребенком один управится, не может.

Зяблов скрылся в доме, а я посмотрел на старшину.

— О девушке знал вчера? — спросил я Присяжнюка.

Тот лишь сжал губы в тонкую линию.

— Виноват, — только и молвил.

Я лишь снисходительно улыбнулся.

— Да ладно уж, Георгий.

К нам буквально через несколько секунд выпорхнула, как воробей, маленькая, сероглазая девушка в коротком ситцевом халате, стараясь при этом потянуть его вниз, чтобы прикрыть открытые коленки. Получалось у нее это забавно и неуклюже. Вид робкий, смотрит исподлобья.

— Миша, сказал, я вам нужна, — голос тонкий и звонкий, чуть-чуть взволнованный.

— Он сказал, в чем дело?

— Вы о той девушке?

— Расскажите все что знаете. Муж сказал, что глаз у вас стрелянный — все подмечает, — решил я сделать комплимент жене Зяблова, стараясь сбить ее волнение и придать беседе более доверительную форму.

Мой прием сработал, так как Мария Зяблова, открыто посмотрела на нас двоих и переборов свою застенчивость начала свой рассказ.

— Девушка стала приходить совсем недавно. Может три, а может четыре месяца тому назад. Видная, красивая. Одевается броско, нарядно. Дорогая бижутерия, — по тону Зябловой я понял, что она слегка завидует незнакомке, но только как — то особо, по-женски. — При ней всегда сумочка такая модная, на защелке. Мы как-то столкнулись вот прямо на этом месте, где мы сейчас стоим. Она вежливо поздоровалась, даже улыбнулась.

— А как пришла? Сама или подвез кто? Машину, мотоцикл не заметили?

— Нет. Приходила всегда одна.

— Надолго задерживалась? — я знал, что женское любопытство всегда преобладало, если сравнивать с каким-либо другим проявлением человеческой природы.

Зяблова зарделась и умолкла, подарив нам свой очередной взгляд исподлобья. Своим вопросом я спровоцировал ее открыть правду,

насколько она любознательна.

— Видела ее пару раз, рано уходящую. Я часто встаю к ребенку, и видела ее в окно, — тихо молвила Маша и враз умолкла, словно мы заподозрили ее в чем-то неприличном.

— Шла одна или сосед провожал? — задал я последний вопрос Зябловой.

— Когда как, — коротко ответила девушка и глянула на меня своими серыми глазами.

— Спасибо, вам Маша, — поблагодарил я девушку, которая упорхнула так же быстро, как и пришла к нам.

Когда Зяблова скрылась за дверью, я сказал Присяжнюку.

— Вот, Георгий, оказывается, у Якубы есть зазноба. А ты говоришь один как перст. Живет человек полной жизнью, вдыхает аромат любви.

Участковый молчал, и я не совсем понимал, соглашается ли он с моими словами или нет. Лицо его оставалось серьезным, непроницаемым. Я размышлял, что нам делать дальше как неожиданно раздался голос, обращенный к нам, и мы оба как по команде синхронно повернулись. Навстречу нам неторопливой походкой шла пожилая женщина, устремив свой взор на наши застывшие тела. В руке она держала увесистую авоську.

— Кто это? — тихо спросил я Присяжнюка.

— Соседка сверху, — подражая мне, еле

слышно ответил старшина.

— А я смотрю, вы ли опять? — приблизилась к нам старушка и близоруко сначала посмотрела на Присяжнюка, а затем более пристально на меня. — А вас я товарищ не знаю, — растянула женщина, слегка повернув голову в сторону, словно от этого жеста могло что-то измениться.

Мне уже дважды за последние полчаса пришлось представляться. Мои слова произвели нужный эффект на женщину и она даже как-то смешно сложила свои губы, слегка накрашенные светлой помадой.

— Вы все по поводу Павла Сергеевича? — догадалась старушка. — Он так и не объявился?

— Да, — почти одновременно ответили мы.

— Ну что же мы стоим. Прошу тогда ко мне, — предложила женщина, а догадливый Присяжнюк уже успел подхватить авоську старушки, тем самым еще больше располагая ее к нам обоим.

Мы снова проделали тот же самый путь, что и несколькими минутами ранее, под размеренный тон седовласой женщины.

— А я на почту ходила. Письмо отправила дочке своей. Зоя моя живет в Саратове. Вышла замуж за летчика. Учился он в летном училище. Так вот он подал заявку в отряд космонавтов, а она при нем. Вы представляете? Мой зять — будущий

космонавт! Кто бы мог подумать?! — с нескрываемым восторгом, и почти пафосом, заявила женщина, впуская нас в свою квартиру. — Вы проходите в комнату, а я на кухню — чайник поставлю. Чай будете с баранками?

Комната была большой, длинной и темноватой. Пол почти сплошь застлан полосатыми домоткаными дорожками. На полочке старомодного дивана стояла большая фотография в рамке, из которой на нас смотрела жгучая брюнетка, судя по всему, это и была дочь соседки Якубы. Стол, стулья и буфет — тоже не новые — дополняли обстановку комнаты. Низкий комод в углу. Но больше всего меня поразили развешанные повсюду на стенах плакаты с изображением космонавтов, из которых я сразу же узнал первопроходца Юрия Гагарина, а так же Германа Титова, Павла Поповича и первую женщину космонавт — Валентину Терешкову. Я невольно себе представил, как старушка мечтательно смотрела на эти обклеенные стены и в своих старческих грезах видела плакат с изображением своего зятя — в скафандре и с притягательной, загадочной улыбкой на лице, которая так характерна для тех, кто осваивал просторы вселенной, будто они знали какую-то тайну. Да я и сам с большим восторгом смотрел неоднократно кадры, запечатлевшие, как везли Юрия Гагарина по

Красной площади, под всенародное ликование.

— Вам чай принести в комнату или выпьем на кухне? — донеслось из-за стены, и я сразу же ответил: — Нет, нам лучше на кухне.

— Ну, тогда проходите, у меня все уже готово.

В отличие от просторной комнаты, кухня была маленькой и чистой. Плита с уже закипевшим чайником, стол и простой шкафчик с посудой, на стенах развешаны обычные кухонные причиндалы. Как и обещала гостеприимная хозяйка на тарелке с голубой каемкой лежали посуленные баранки.

— Вы не стойте, садитесь, кухня хоть и небольшая, но места хватит всем, — засуетилась женщина, пододвигая к нам табуретки.

— Простите, а как вас...? — начал я, но старушка перебила меня на полуслове.

— Прасковья Ильинична — я. С Георгием Романовичем мы вчера познакомились, а вот как вас величать я не знаю, — старушка стала разливать кипяток в приготовленные чашки, косясь близоруко на меня.

Я представился, а затем получил кивок старушки в мою сторону, мол, запомнила, не сложно.

— Да вы не стесняйтесь, берите баранки, небось, без обеда. Работа у вас еще та, — махнула дряблой рукой Прасковья Ильинична.



Но Присяжнюк уже вовсю жадно прихлебывал горячий чай и без всякого стеснения забрасывал одну баранку за другой. Его худые щеки вмиг наполнились, и он мне чем-то напомнил суслика со своими раздутыми щеками. Судя по взгляду хозяйки квартиры, она все свое внимание переключила на меня, сев как раз напротив.

— Что же вы, Максим Анатольевич, чай не пьете, остынет ведь.

— Пускай остывает, Прасковья Ильинична. А мы пока побеседуем о вашем соседе.

— Простите меня, конечно, но почему такое пристальное внимание к Павлу Сергеевичу. Он совершил что-то...плохое? — робко спросила женщина, сделав принудительную паузу перед последним словом, словно стараясь таким образом подобрать нужную формулировку.

Я почувствовал, что Прасковья Ильинична хорошо относилась к Якубе, даже можно сказать больше. Ее тон вызывал симпатию и благосклонность. С ответом я не торопился, так как и сам не ведал, зачем республиканскому руководству понадобилась скромная персона Якубы. Я лихорадочно пытался найти ответ, но неожиданно мне на выручку пришел Присяжнюк, который мне казалось, полностью погрузился в поглощение предложенных баранок. Сквозь набитый рот я услышал следующее пояснение из

уст участкового.

— Понимаете, Прасковья Ильинична, мы тут на днях поймали банду преступников, орудовавшую не один год в нашем городе, и среди найденных вещей нашли довольно таки дорогой, именной портсигар. И знаете, кому он принадлежит? Правильно — Павлу Сергеевичу. Вот мы и хотим изобличить преступников. Доказать их прямую вину. Понимаете как нам это важно. Они ведь все отрицают. А факт кражи — на лицо, — даже не моргнув бровью, Георгий Романович с важным видом выпалил все это старушке, под ее сочувственное кивание головой.

Ай — да участковый, ай — да молодец. Женщина проглотила придуманную историю и, положив руку на сердце, понимающе закивала головой.

— Скажите, пожалуйста, не один год! Вот ведь негодяи! Обворовывать честных граждан. Но теперь они понесут заслуженное наказание, — замахала указательным пальцем Прасковья Ильинична, словно она выступала с обвинительной речью в зале суде.

— Милиция всегда на страже порядка, можете не сомневаться, — заверил ее Присяжнюк и снова принялся пить чай, а я едва не поперхнулся, с трудом сдерживая подступивший смех. Со стороны все это выглядело так комично и забавно-серьезный

Присяжнюк и сердобольная, наивная Прасковья Ильинична, верившая во все.

— Вот почему мы здесь, — подхватил я эстафету придуманной лжи участкового, но что не сделаешь ради достигаемой цели, всецело располагая старушку на нашу сторону. — Вот почему нам нужен Павел Сергеевич. Когда — вы видели его в последний раз?

— Дней пять назад, может шесть, а возможно и неделю тому назад. Ну, так на это ведь есть причина, почему вы его не застанете дома, — ответила старушка, заставив нас слушать ее повнимательней. Возможно, сейчас она приоткроет завесу и все станет на свои места, как само собой разумеющееся. — Он возможно как всегда в рейсе. А вы что на его работе не были?

Понедельник-первый рабочий день недели, может, стоило начать поиски сразу с рабочего места, а мы сразу с Присяжнюком на дом. Где участковый говорил, он работает, в «Вторчермете»? Но причем здесь какой-то рейс? С каких это пор работники по приемке металла стали отправляться в командировки? За какой такой надобностью? Может, путает что-то Прасковья Ильинична. Судя по тому, как Присяжнюк перестал пить чай и поглощать баранки, я понял, что здесь что-то не состыковывается. Весь его внимательно-вопросительный взгляд подсказывал

мне, что сейчас выплывет новая информация. И услышав следующие слова женщины, моя догадка подтвердилась.

— А вы разве не были на работе Павла Сергеевича?

Тут уже нам пришлось с Присяжнюком играть в игру «гляделки» где победителя определить было сложно. Слова пожилой женщины полностью привели нас в полное замешательство.

— Но ведь в понедельник у них выходной, — Георгий Романович незаметно подмигнул мне, заставляя довериться его игре.

— Тоже мне скажите выходной, — старушка невольно улыбнулась, обнажив при этом ряд неровных, неполных зубов. — Когда это на железной дороге был выходной? Ну, разве что у машинистов или как у Павла Сергеевича — проводников. Рейс отбыли, и отдыхай — до следующего. А так, — со знанием дела ответила Прасковья Ильинична.

Вот что значит выходит — Якуба проводник! А как же «Вторчермет» из проверенного источника? Стоит ли доверять женщине? В ее возрасте. Сколько ей? Семьдесят? Семьдесят пять или больше? Она могла что-то и перепутать. Нужно уточнить.

— Это вам сам Павел Сергеевич сказал? — перехватил я нить разговора в свои руки, замечая,

как покраснел Присяжнюк. — У нас другие данные. И давно он там работает?

Теперь настал черед удивляться старушке. Ее маленькие близорукие глазки смотрели то на меня, то на Присяжнюка, словно она боялась вот так просто завести нас — сотрудников правоохранительных органов, в неверное русло. Я даже поймал легкое недоумение на лице женщине, и именно мы должны были его развеять. Недаром ведь пили чай и ели такие вкусные баранки.

— Да сколько я помню. Еще с первой нашей встречи сказал. Дом ведь у нас старый, построенный еще до революции. Мне надо было вот эту полку... — и указательный тонкий палец неуклюже был направлен на белую, старую антресоль заставленную тарелками... — прибить. А здесь знаете, какие стены? Ну, вот я попросила соседа помочь. Он охотно согласился. Пришел с ручной дрелью. Сделал все быстро и снорови-то, еще шкаф мне починил. Я, как и вас напоила его чаем. Посидели, поговорили. Потом я не раз его встречала, то с чемоданом, то с рюкзаком. Спрашиваю: «В рейс?», а он всегда мне отвечал приветливо и шутливо «Что поделать, Прасковья Ильинична, надо уезжать. Машинист не будет ждать».

— И надолго он уезжал?

— Когда как. Бывало на неделю, а то и

больше, — сдвинула плечами старушка, но вид у нее все равно оставался какой-то растерянный, словно ее слова не убедили нас.

— И в этот раз уехал? — не отставал я от старушки.

— Откуда же мне знать? Может и уехал, он передо мной не отчитывается. Человек он свободный, холостой, мало ли куда мог уехать, — казалось, что Прасковья Ильинична, не была слишком любопытной особой, в отличие от своих сверстниц, которым только дай повод посудачить о либо ком. Кости перемелют так, что мало не покажется.

— А гости часто приходят к Павлу Сергеевичу? Коллеги? Женщины? — решил я потянуть за другую ниточку.

Старушка сложила губы в тонкую линию и слегка призадумалась.

— Пару раз видела, как к нему приходили мужчины, но их я не знаю. А вот насчет женщин, — ходит тут к нему одна... Красивая, нарядная.

Я, попробовал описать гостью Якубы, ссылаясь на слова соседки с нижнего этажа. Кивок женщины только подтвердил все то, что так подметила молодая мама.

— Ну что же, Прасковья Ильинична, спасибо вам за чай и гостеприимство, нам, пожалуй, пора, — и я подтолкнул Присяжнюка. Хватит

засиживаться и уплестать баранки, пора и честь знать.

Участковый быстро спохватился, форменную фуражку заложил под мышку и, вытирая губы, первым засеменял к выходу.

— Может, что передать Павлу Сергеевичу, когда он объявится? — на пороге остановила меня старушка.

— Пускай явится к нам, в милицию. Мы его очень ждем. До свидания, Прасковья Ильинична. Всего вам доброго, — пожелал я на прощание и тут вдруг услышал громкий окрик старшины.

— Стой, милиция! Кому говорю?

Я рванулся на лестничную площадку, но успел заметить только спину убегающего Присяжнюка. Хлопнула дверь, и послышались быстрые, торопливые шаги на улице. Я прильнул к окну стараясь понять, что же все — таки произошло, и почему с такой спринтерской скоростью убежал старшина. А главное — за кем? Когда я вышел во двор дома то никого не заметил, лишь перестук проходящего где-то рядом трамвая. Ждать мне пришлось недолго. Минут пять-семь. Из-за поворота улицы шел старшина, держась за сердце. Дышал он тяжело, по лицу стекал пот.

— Что случилось, Георгий? За кем ты погнался?

— Сейчас отдышусь и все расскажу, — оперся

руками в колени Присяжнюк, согнувшись в три погибели. Сбив дыхание, он начал свой короткий рассказ, но руку от сердца отпустил.

— Я выхожу и вижу, как по лестничному маршу идет парнишка лет шестнадцати — семнадцати. На меня так зырк, потом посмотрел в сторону квартиры Якубы и стал пятиться назад. Я ему «Стой! Милиция!», а он драпать. Ну, я за ним.

— Не догнал? — спросил я и удивился глупости своего вопроса. Ведь старшина пришел то совсем один.

— Ушел, шельмец. До гаражей добежал, а там... — безнадежно махнул рукой старшина.

— Парнишку узнал? Из твоего района?

— Так я только спину его и видел.

— И пятки, — с укором добавил я.

— И пятки, — виновато повторил Георгий, сердито сплевывая через губу.

— Вот тебе и два билета на дневной сеанс, — вспомнив об афише в кинотеатре, произнес я.

— Что-что? — ничего не понимая, спросил Присяжнюк. — Какой сеанс?

— Курить надо бросать, Жора... — ответил я под смущенный взгляд старшины...

## 5

Здание, где находился заведующий кадрами,



было буквально в двух минутах ходьбы от железнодорожного вокзала, как раз напротив стоявшего в тупике состава из трех старых вагонов, непонятно как существующий до сих пор: окна разбиты, крыша прогнила, колес не видно из-за зарослей сорняков и сухой травы. В самом же здании было чисто, пол свежеемыт и тишину нарушали лишь негромкие обрывистые голоса, словно здесь считалось плохим тоном говорить громче обычного. Заведующего они нашли в конце коридора, застав его за кипой бумаг. Он словно был из другой эпохи. Курчавые волосы, старомодные очки, держащиеся на самом кончике носа, усы с намеком на продолжение короткой бороды. Ну, прямо персонаж из рассказов Чехова.

— Здравствуйте товарищи. Чего угодно? — спросил мужчина, медленно поднимаясь из-за прямоугольного стола. Для полноты сравнения чеховского персонажа не хватало лишь одного короткого слова в конце «господа-с».

На нем сидел мешковатый, помятый пиджак, на руках накладные манжеты, словно у бухгалтера, свободного покроя темные брюки и остроносые летние туфли. В глазах читалось нескрываемое любопытство. Видно не каждый день сюда заходят работники правоохранительных органов.

— Мы по поводу одного из ваших рабочих, —

я решил сразу начать с дела, минуя все формальности.

Тонким, указательным пальцем заведующий сдвинул очки назад к переносице, отчего его глаза в одно мгновение расширились, а лицо вытянулось, ожидая продолжения.

— У вас проводником работает Якуба Павел Сергеевич. Нам нужно знать, где он сейчас.

— Якуба... Якуба... — повторял фамилию «кадровик», словно пробуя ее на вкус. — Но у нас нет такого работника, — уверенно заявил мужчина буквально через пару секунд.

Настал теперь черед призадуматься и нам со старшиной.

— Вы не ошибаетесь?

— Простите, но свою работу мы знаем, — заверил нас безапелляционным тоном мужчина.

— Вы уверены?

— Точнее не бывает. Вон все личные дела всех работников. Я на этой должности уже тринадцать лет, так что ошибки нет. Такого работника, как Якуба Павел Сергеевич, у нас не было.

В заявлении «кадровика» я не сомневался. Несмотря на свой внешний вид, в нем сидел педант и аккуратист, который все разложит по полочкам как надо. Да и с памятью у него, судя по всему все в порядке. Фамилию вон запомнил сразу.

— Тогда извините, ошибочка вышла, — виновато развел я руками и толкнул Присяжнюка, решив ретироваться отсюда под недоумевающий взгляд «кадровика».

Еще по дороге сюда у меня закралось смутное ощущение, что нас ждет какой-то подвох и все будет не так гладко. Якуба не выходил у меня из головы. Что же он за человек такой? Соседка характеризует его как положительного и отзывчивого, даже полку прибил и шкаф починил, а сосед снизу обозвал его «зверем». Какие маски он носит за собой? А самое главное — зачем так срочно он понадобился республиканскому руководству? Обычный ведь человек, ничего выдающегося. Ни ученый, ни видный деятель. Не преступник, ведь, в конце концов. Фронтвик, после войны работал на судостроительном заводе. Соврал соседке-старушке. Зачем? Какой смысл? Полная каша была в моей голове.

— Что скажешь, Георгий Романович? — обратился я к старшине, который курил в тени, искоса посматривая в мою сторону.

— Что-то не так с этим Якубой, нутром чую, — постучал себе по груди старшина, выдавая свое негодование. — Я не пойму одного. Почему такая канитель вокруг его персоны?

— О-хо-хо, Жора. Набегаемся мы с тобой, к гадалке не ходи. Какие мысли есть? — но на

прямой его вопрос насчет персоны Якубы я не ответил.

— Может, стоит поехать в этот «Вторчермет»? Мне ведь точно сказали, что он там работал.

— Адрес этого предприятия ты хоть запомнил?

Присяжнюк без запинки назвал адрес и я невольно свистнул, когда услышал где это.

— Опять переться через весь город. Ну что же это за день такой!? — раздраженно воскликнул я.

— Понедельник, товарищ капитан, понедельник.

— Из этого выходит, что вся неделя будет такой, Жора? — я представил себе последующие дни, проведенные в полной суете и нервозности, и от этой перспективы, я невольно даже передернул плечами. Хорошее начало, ничего не скажешь.

— Есть одна идея, — начал Присяжнюк, посмотрев на меня исподлобья, как бы пытаюсь понять мое настроение.

— Георгий, я согласен на все что ты предложишь, лишь бы поскорей спрятаться от солнца и жары. Выкладывай.

— У меня тут рядом, друг живет. У него есть мотоцикл. Можно взять напрокат. Я часто им пользуюсь.

— Отличная идея, старшина. Веди к другу.

Далеко хоть идти?

— Совсем рядом, в квартале от вокзала.

— Бросай свой окурок, и затуши, трава вокруг сухая. Нам только для полного счастья пожара и не хватало...

## 6

Когда через несколько минут Присяжнюк открыл двери небольшого, металлического гаража передо мной предстал во всей своей красе «Урал М-72»-практически новый, блестящий как игрушка из «Детского мира».

— Вот это аппарат, Жора, — от души восхитился я.

Мотоциклы подобной модели были прославлены на всех просторах СССР. Он был разработан на базе BMW, и обладал отличными техническими данными. Я когда был мальцом, всегда хотел иметь именно такой мотоцикл. Но моя мечта так и осталась мечтой. А у кого-то она сбылась.

— Откуда у друга такая махина?

— Степан-Кулибин еще тот, — начал восхвалять своего товарища Присяжнюк, заметив, как заблестели у меня глаза. — Все починит — от крана до самовара. Мотоцикл стоял у его деда, еще с войны. Он его взял, починил. Вполне годная

единица сейчас. Нравится?

— Еще бы, Жора. То, что надо, — и я поднял большой палец вверх в знак моего восторга.

— Сейчас я посмотрю, есть ли бензин в баке и тогда поедем.

Участковый по-хозяйски обошел мотоцикл, проверил уровень масла, заглянул в бак, достал два шлема, один протянул мне. Сразу было видно, что он здесь часто бывает и ему здесь все знакомо. К тому же еще и доверяют. Но, а как не доверять работнику милиции в наше — то время.

— Ну, что товарищ капитан, вперед, — занял свое место у руля Присяжнюк и надавил на педаль, резким движением ноги. Мотоцикл моментально взревел и тихо заурчал, дожидаясь дальнейшей своей эксплуатации.

— Прошу, — предложил занять мне место в коляске старшина, натягивая себе на голову шлем, отчего его вид стал настолько серьезным, что я ненамеренно улыбнулся, но в ответ охотно полез во вместительную коляску.

— Давай, Жора, с ветерком, — махнул я озорно старшине, словно мальчишка, которому удалось осуществить свою давнюю мечту.

Присяжнюк лихо дав задний ход, выехал из гаража, соскочил с сиденья, закрыл имеющимся у него ключом гараж и мы тронулись в путь, под восторженные взгляды компании мальчишек во

дворе. Вот таким, как и они, пожалуй, был и я, когда впервые увидел «Урал» — с полуоткрытыми ртами, немигающим взглядом и биением сердца, не уступающим в своем ритме с работой мотоцикла. Этим мальчуганом казалось со стороны, что уезжающие милиционеры спешат выполнять особое задание по поимке особо опасного преступника, но им было и невдомек, что наши важные личности всего лишь ищут непонятно для чего скромную персону самого обыкновенного жителя их города, коим на самом деле может оказаться даже и их сосед.

Когда мы съехали на дорогу, я мысленно похвалил старшину за его сообразительность. Все же это лучше чем, если бы мы толкались в самый разгар жары в трамвае, да еще через весь город. А тут все прелести передвижения на лицо: бьющий, хоть и теплый встречный ветерок, мелькающие лица прохожих, где-то отдаленный сигнал трамваев и машин которых мы обгоняли. Присяжнюк сосредоточенно вел мотоцикл по улицам, а я лишь мельком посматривал на его снизу вверх, так как он и так был ростом таки не маленького, а сейчас так вообще возвышался надо мной, словно Голиаф над Давидом. Проезжая мимо Дома Моды я по привычке, как было раньше, машинально посмотрел в сторону Дома и мой взгляд застыл на промелькнувшей фигуре, которая принадлежала...

Вике. В этом я был абсолютно уверен. Ошибиться я не мог, а перепутать с кем-то другим — исключено. Я так пристально смотрел в ту сторону, что своим действием обратил внимание и Присяжнюка. Вот она снова появилась в окружении девушек и снова исчезла в толпе. Нет, это определенно была Виктория.

— Стой! — закричал я сквозь рев мотоцикла, заметив как от моего окрика, неожиданно вздрогнул старшина.

Он вплотную подъехал к бордюру и заглушил двигатель мотоцикла, уставившись на меня удивленными глазами из-под густых бровей.

— Подожди, меня Георгий минутку, я сейчас, — не стал я вдаваться в подробности моего столь неожиданного порыва старшине, быстро выскочил с коляски и побежал в сторону Дома Моды, снимая на ходу шлем.

Прохожие с немалым интересом смотрели в мою сторону. Не часто ведь увидишь бегущего со скоростью стайера милиционера, сжимающего еще в руке мотоциклетный шлем. Они расступались, давая мне дорогу, и подозрительно косились по сторонам, боясь пропустить, возможно, что-то значимое, что так заставило бежать работника правоохранительных органов. Но я не обращал на них никакого внимания, сосредоточенно выискивая среди толпы одну лишь Викторю, вытягивая шею



словно гусак. Вот она — на расстоянии нескольких метров, среди таких же, как и она моделей. А то, что они принадлежали к манекенщицам, сразу бросалось в глаза не только одному мне. Громко смеющиеся, одетые в одинаковые брючные костюмы, с нанесенным ярким макияжем однозначно выделяло их из толпы. Я сразу подумал о том, что они буквально только что покинули подиум и забежали на минутку в ближайшее кафе, чтобы перекусить, пока объявлен перерыв. Так Виктория поступала часто до отъезда. Это было некой традицией.

— Вика! — громко позвал я девушку, заставив застыть на месте всех, кто шел с ней рядом.

Она медленно повернулась, и я впервые после годичной разлуки встретился с ней взглядом. Она ничуть не изменилась, даже стала еще красивей. Резко подведенные глаза, накрашенные брови и ресницы, резкий яркий цвет помады. На ней был брючный костюм, песочного цвета, так идеально подчеркивающий ее фигуру. Вокруг шеи — короткая нитка жемчуга.

— Максим? — казалось, она не меньше моего удивлена, но справившись с волной внезапности встречи, шепнула что-то своим подругам, затем сделала шаг мне навстречу. От нее исходил такой приятный аромат духов, что казалось, вокруг меня

образовалось некая оболочка, состоящая из одних только цветов, которые так любила Виктория.

— Привет, — с волнением в голосе произнес я, подмечая, как он предательски задрожал.

— Привет, — ответила Вика и прыснула от смеха, прикрыв рукой свои губы, посмотрев на меня сверху вниз.

Наверное, я выглядел нелепо, что и вызвало у нее приступ смеха. Взъерошенные волосы, взгляд сумасшедшего, форма, которая не так строго сидела на мне, словно на дезертире, да и еще ко всему этот не к месту шлем, который я не знал куда деть, продолжая держать его в руке.

— Давно приехала? — спросил я, первое, что пришло мне на ум.

— Позавчера. И вот сразу на работу, даже не успела отдохнуть, — звонкий голос Виктории приятно будоражил мой слух.

— Надолго? Или снова уедешь? — издержки моей работы приучили меня задавать открытые вопросы, даже при общении с Викторией. И от этой привычки избавиться я не мог, за что неоднократно получал упреки Виктории за свою прямолинейность.

— Пока в городе. Время покажет, — уклончиво ответила девушка и повернулась к своим подругам, которые стояли чуть в стороне, дожидаясь ее.

Мне на секунду показалось, что она никуда не уезжала, а постоянно была здесь, а прошедший год пролетел как одно мгновение. Но все же этот год был — и никуда от этого факта не денешься. Виктория в наступившей паузе, в которой мы молчали оба, нарушила ее первой и обратилась к девчонкам, дожидавшиеся ее.

— Я скоро вернусь. Идите.

Я — капитан милиции, Максим Ткаченко, каждый день, занимаясь ловлей преступников, всяческой шпаны, воров, рецидивистов, выезжая на задержания и проводя время в засадах, не боясь никого и ничего, первым бросался вперед, а тут вдруг онемел и застыл как статуя, не зная даже что сказать Виктории, с которой мы так неоднозначно расстались. Мосты вроде бы и не сожжены, и начинать все сначала — дело довольно трудное, после всего, что с нами произошло.

Виктория спросила:

— А ты все на страже порядка? Все бежишь куда-то, ловишь кого-то? — я не совсем понимал, что она хотела этим подчеркнуть. То ли это был колкий упрек, то ли скрытая ирония. А возможно проявление сочувствия?

Раньше я мог понять ее с полуслова, даже порой мог читать ее мысли, теперь же передо мной стояла совершенно другая девушка — одновременно знакомая и в то же время чужая.

Что-то в ней изменилось за прошедший год. В глазах добавилось женственности что ли, какой — то незнакомой мне изюминки, которую предстоит разгадать. Или все же она не предоставит мне этот шанс, чтобы найти ключ к разгадке.

— Ты же знаешь, что без этого я не могу. Ведь каждый выбирает ту судьбу, которую выбирают, — наверное, это прозвучало для нее не впервой, и она об этом прекрасно знала. Мы не один раз обсуждали мой выбор профессии, но я каждый раз убеждал Викторию, что это мой осмысленный путь с которого я не сойду. Она же на все смотрела совсем по-другому. Может теперь все поменяется, нетвердо уверял я сам себя в эту минуту, заметив перемены, которые произошли в девушке.

— Ты, наверное, торопишься? — тон Виктории после моего ответа стал более серьезен.

Я не стал уверять ее в обратном.

— Как всегда, — признался я. — Может, вечером встретимся? — предложил я, понимая, что сейчас не место и не время для разговора; когда нас обоих ждут дела и люди косятся на нас двоих с явным любопытством. Считая эту пару несколько странной: милиционер со шлемом в руке и красивая девушка в ярком наряде, во взглядах, которых играли противоречивые чувства.

— Сегодня у меня не получится. Я не знаю,

когда закончится репетиция, и у меня еще даже не разложены вещи. Я так устала, что сил уже нет идти даже на подиум. Давай завтра, — предложила Виктория, и этим ответом она вызвала у меня внутри всплеск неподдельной радости.

— Как всегда на нашем месте? В семь? — наконец я почувствовал ту Викторию, которую так любил. Возможно, в наших отношениях еще не все потеряно и все точки не расставлены? От ее ответа многое зависело и я ждал его с некоторой опаской, что все напрасно и наша встреча останется лишь напоминанием того короткого мига иллюзии, который я уже построил в своем сознании.

— Но ты ведь опоздаешь как всегда. Дождешься? — улыбнулась своей шутке Вика, и я понял, что она согласилась на встречу.

— Тогда до завтра, — моя улыбка казалось, вызвала у нее что-то общее, когда мы были вместе.

— Беги уже, Пинкертон, — так шутливо она называла меня прежде.

Возвращался я назад еще быстрее, чем бежал до Дома Моды. Присяжнюк терпеливо дожидался меня на месте, затягиваясь своей неизменной «Примой». Ничего не спрашивая, завел мотоцикл, и мы снова отправились в путь.

Я сидел счастливый в этой узкой и тесной коляске, в чужом шлеме, под палящим солнцем, а в душе моей зарождался вулкан эмоций. Я пел в душе

оду этому дню, своей работе, старшине, который выбрал этот маршрут мимо Дома Моды, всем тем, кто встречался на нашем пути, а перед глазами стояло лицо Виктории, с трогательной улыбкой на ее прекрасном лице. Говорят, что самые ценные встречи — это неожиданные встречи, и я был с этим согласен, так как понимал суть этих слов, как никто другой.

## 7

То, что мы уже подъезжаем, я понял сразу, как только увидел впереди возвышающийся башенный кран. Он напомнил мне гигантского насекомого, больше похожего на жука, который медленно двигался по своей территории, скрипя и издавая характерные звуки. Огромный круглый магнит прямо таки втягивал в себя груды металла и медленно тянул всю эту железную массу туда, где через несколько секунд сбросит все, что подобрал, словно ненужную вещь. Предприятие «Вторчермета» было ограждено большим плиточным забором, и мы с Присяжнюком остановились у ворот. Массивные ворота были чуть приоткрыты, что как раз хватило, чтобы мы смогли туда пройти.

Нас встретил лай собаки — гулкий и громкий. За воротами находилась огромная собачья будка,

возле которой с присущей собачьей злостью и свирепостью рвалась большая лохматая дворняга. Если бы не короткая цепь и крепкий, широкий ошейник, то нам пришлось бы ретироваться быстро, и то если бы успели убежать от такой лютой зверюги. Форму Присяжнюку точно пришлось бы латать, как впрочем, и мне.

— Чужих здесь явно не приветствуют, — сказал я старшине, который с оглядкой посматривал себе за плечо, в сторону совсем не миролюбивой собаки.

Все вокруг нас было завалено огромными кучами металла. Чего здесь только не было: колясок от мотоциклов, диски от машин, старые проржавевшие кровати, даже старый трактор спокойно дожидался своей очереди. С противоположной стороны ворот стояло несколько вагонов под погрузку металла, вокруг которых копошились рабочие, что-то постоянно выкрикивая и активно жестикулируя руками. На наш вопрос: «Где у них здесь главный?» который они не сразу услышали, из-за стоящего шума, ответом нам был жест рукой одного из рабочих в сторону одиноко стоящего обычного вагончика, который мы сразу и не заметили, уединенно спрятавшегося за горой металла.

Такие вагончики можно увидеть повсюду — на обычных стройках и даже на колхозных полях,

служившие чем-то вроде сторожки для охраны. Небольшое окно было открыто настежь, как впрочем, и двери, к которым вели металлические ступеньки, сваренные из обычной арматуры.

Я стал подниматься первым, Присяжнюк неотрывной тенью следовал за мной. Когда я вошел, первое, что мне бросилось в глаза так это большой агитационный плакат практически на всю стену. Это был известный плакат еще со времен Отечественной войны. Только сейчас Родина — мать с вскинутой рукой вверх призывала совершенно об других подвигах. Надписей на плакате было две. И обе по правую сторону встревоженной женщины, в ярко-красном платье. Требовательное: «Помни! Родина нуждается в металлоломе!». А вот снизу красовалось вполне материальное: «Металлические отходы в хорошие доходы».

Человек, сидящий за столом, медленно оторвал свое лицо от читаемого журнала и устремил свой взгляд на нас. Именно устремил, так как что-то птичье было в его взгляде. Вот только какую птицу он мне напомнил, я не мог сразу вспомнить. Крупное, с обвисающими щеками лицо, над которыми возместились такие же крупные, пронзительные глаза. На его голове разместились что-то наподобие пионерской пилотки, сделанной из обычной газеты. Широкие подтяжки опоясывали



такое же крупное тело мужчины, поверх расстегнутой наполовину тонкой клетчатой рубашки. Когда я вошел, то его лицо слегка напряглось, а вот когда в узком проеме вагончика появилась долговязая фигура Присяжнюка, то оно уже всю выражало застывший испуг. Оно и понятно: видать не часто сюда заглядывают работники милиции, да еще и вдвоем. Мужчина стал медленно приподыматься из-за громоздкого стола, на ходу пухлой рукой снимая пилотку, словно она была чем-то непристойным и нелепым в данной ситуации. Глаза его стали еще больше и я, наконец, понял на кого он был похож. На испуганную сову. Так и есть — именно сову.

— Здравствуйте, товарищ... — сделал я специальную паузу, чтобы мужчина смог, наконец, прийти в себя. Я прекрасно его понимал. Сидишь тут себе что-то подсчитываешь, отгоняешь назойливых мух газетой «Труд» (я успел заметить название печатного издания), делаешь из такой же газеты пилотку, пытаешься спастись вот таким нехитрым способом от жары и тут...два милиционера, появившиеся, словно черти из табакерки.

— День добрый, товагищи, — ответил мужчина, сильно картавя.

— Как я полагаю, вы начальник всего этого? — покрутил я указательным пальцем вокруг.

Почему-то не повернулся мой язык назвать все увиденное предприятием. Мы сели с Присяжнюком на деревянной лавочке напротив.

— Да, — коротко ответил он на заданный вопрос.

Я представился, а затем представил и Присяжнюка.

Видимо первый испуг уже прошел свою начальную стадию, и произнесенная следующая фраза убедила меня, что сидящий напротив нас человек уже полностью пришел в себя.

— Извините великодушно, но почему такое скромное предприятие заинтересовало двух таких почтенных работников силового ведомства коим на самом деле является наша доблестная милиция?

«Вот же жук, умеет»... — подумал я. Умеет лебезить перед властью. И почему всегда такие прохиндеи занимают главные посты — вот ведь вопрос, на который мне не так уж и легко ответить.

— По нашим данным у вас работает гражданин Якуба Павел Сергеевич. Нам нужно его увидеть. Это возможно?

Реакция пришедшего в себя начальника всего этого металлического рая вызвало некое недоумение на его круглом лице, которое невольно передалось и нам. Я уже всем своим нутром понимал, что это вытянутая пустая карта.

Думал мужчина совсем недолго, как и

кадровик на вокзале.

— Простите, Якуба, я пгавильно услышал?

Он заставил меня снова повторить, где все слова я теперь медленно разбил по слогам.

— Боюсь быть непгавильно услышанным, то такого габотника у нас нет, — развел руками в сторону хозяин по приемке металла.

Теперь настала моя очередь посмотреть на старшину. Наверное, мой красноречивый взгляд сказал многое, и Георгий вышел на первый план.

— Ну как же. Мы точно знаем, что он у вас работает. Мне сообщили это... — и Присяжнюк назвал государственный орган, откуда он все и выяснил. — Ошибки не должно быть.

Да что же за напасть это такая с этим Якубой? Я уже если честно начинал раздражаться при упоминании этого имени и фамилии. Даже стал сомневаться, что может, и нет никакого Якубы, и все это какая-то ошибка? Но внутренний голос и факты говорили совсем об ином.

Присяжнюк даже назвал дату принятия на работу и год. Факт неоспоримый и никуда от этого не деться.

Любитель газетных пилоток призадумался и уставился на потолок, словно там был написан ответ. Вот только протяни руку и хватай его скорей. Его двойной подбородок вытянулся и теперь он стал похожим на сытого пеликана.

— Простите, как ваше имя, отчество? — не выдержал я долго при виде этой застывшей мины на лице задумавшегося мужчины.

— Магк Богисович Гобинзон, — представился мужчина с таким важным видом, при этом, даже кивнув, словно он был отпрыском популярной и известной семьи, а не простой начальник такой незаурядной организации как «Вторчермет».

— Робинзон Марк Борисович? — повторил я, впервые услышав такую, прямо скажем, экзотическую и книжную фамилию. Но мне кажется, попугай на плече этого Робинзона явно был бы не к месту. Присяжнюк же смотрел так на Марка Робинзона, словно он впервые увидел что-то необычное и диковинное. Скорее всего, старшина, как и я, был обескуражен не меньше. Что же перед нами типичный еврей.

— Я пгекгасно понимаю геакцию, когда люди слышат мою фамилию. Да моя фамилия всегда вызывала ступог. Я уже к этому пгивык. Годители говогили мне, что такой и будет геакция. Но я им благодаген за это. Для меня как евгея честь носить такую фамилию, — с нескрываемым пафосом заявил Робинзон.

— Мы ничего не имеем против вашей фамилии, Марк Борисович. Но давайте все-таки разбираться. Ситуация согласитесь тупиковая и возможно только вы сможете нам помочь.

Попробуйте вспомнить хорошенько. Текучка кадров у вас, наверное, немалая. Вы ведь давно здесь работаете?

Вдруг неожиданно Робинзон щелкнул пальцами, и уставился на нас так, словно перед ним были призраки, а не работники милиции.

— Подождите, подождите. Кажется, я начинаю вас понимать, товагищи милиционегы. Точно, — взмахнул ладонью Робинзон, будто отгоняя назойливую муху. — Я вспомнил. Да-да, точно.

Уверенность в голосе Марка Борисовича придало мне надежду что мы, наконец, узнаем что-то об этом кажущемся уже мне мифическом Якубе. Но дальнейший его хитрый прищур глаз, заставил на секунду засомневаться к подкравшейся уже вплотную надежде.

— Так что, товагищи вам ничего не говогили?

— Какие товарищи? И что они должны говорить, Марк Борисович? — Робинзон явно играл на нашем терпении.

— Ну как же! Тги года тому назад они, как и вы пгишли вот также, сели на вашем же месте и заставили меня пгинять вещь о котогой я уже и совсем забыл, если бы не вы.

Мое терпение теперь уже было на взводе. Туманности я не любил, и все эти полунамеки и недосказанности порой выводили из себя.

— Не тяните, Марк Борисович, а выкладывайте все, как было.

Рассказ Робинзона заставил нас о многом призадуматься. Если не сказать больше. Даже Присяжнюк как мне показалось, втянул голову в свои худые плечи от всего услышанного. А поведал он следующее. Три года тому назад к нему, в этот же вагончик пришли два комитетчика. Из слов Робинзона они даже предоставили ему свои удостоверения. Но ни фамилии, ни звания он естественно не запомнил. Кэгэбисты всегда внушали страх. Не стал исключением и Робинзон Марк Борисович. Просьба была весьма странная, но это типично для игр комитетчиков. Наш искомый Якуба должен быть числиться на работе вот в такой организации, как «Вторчермет». Сказали коротко, но ясно: «Так надо для общего дела страны, понимаете товарищ Робинзон». Фразу напуганный Марк Борисович запомнил на всю жизнь, как он нам признался. Якобы все договорено с вышестоящим руководством и осталось дело за малым — предупредить Робинзона и поставить жирную точку в конце. Естественно Марк Робинзон лишних вопросов не задавал и был согласен на все, лишь бы поскорей ушли эти люди. Описать комитетчиков Робинзон, конечно же, не смог. Все было предсказуемо. Широкоплечие, серьезные лица, без особых примет. Типично для такой

ситуации. Страх притупляет все эмоции и органы человека. «Згение пгопадает, а ощущение было таким, словно меня сейчас быстго подхватят под локотки и увезут на черном «вогонке»», — закончил свой рассказ Робинзон фразой, которая красноречиво подвела итог. Под влиянием страха человек часто меняется и проявляется это не самым лучшим образом.

— Они так сильно внушили вам страх, Марк Борисович? — не выдержал я и спросил Робинзона.

— Понимаете, — и он приложил руку к сердцу, — исполнители закона стгашнее самого закона.

И это была его правда. Правда, человека жившего в социалистическом обществе.

Дальнейший расспрос я проводил больше для проформы, но ничего, что пролило бы свет на нашу ситуацию, Робинзон не сказал. У меня в голове теперь была такая уйма вопросов, сравнимая разве что с такой же кучей металла, на которую я смотрел из окна этого вагончика. Такой неожиданный поворот мог поколебать абсолютно любого, даже и меня — сотрудника уголовного розыска СССР.

— Что думаешь, Максим, об этом? — мы направились к выходу под лай все той же грозной дворняги. И ее потуги стали еще сильнее. Оскал собаки и ее рык выдавали в ней силу и нескрываемую неприязнь к чужакам. Это была ее

территория. Территория куда перешел Якуба Павел Сергеевич, была уже совсем в другой площади, и наших сил здесь явно было мало.

— Странное дело, Георгий. Сегодня понедельник, а мы ищем Пятницу.

— Не понял, — так и застыл как вкопанный Присяжнюк, не осмыслив оброненную мной фразу.

— Не понимаю и я, — откровенно признался я, и это уже была моя правда. Правда, Максима Анатольевича Ткаченко, исполняющего обязанности руководителя отдела уголовного розыска...

## 8

У здания милиции я появился в 17–30. Рабочий день уже закончился, но многие мои сотоварищи еще оставались на своих местах. День у нас ненормированный, как говорят «покой нам только снится», но я никогда не жаловался и нес свою ношу сполна. Машина Тарасенко сиротливо стояла в стороне; значит полковник еще на месте. Дождается — ждет моих результатов. Но не успел я зайти внутрь, как снова услышал то же что и утром.

— Ткаченко, тебя Тарасенко ждет — не дождется. Прямо мечет гром и молнии, — лейтенант Проскура бегло выглянул из окошка



дежурки и отвлекся, ему явно было не до меня, не то, что полковнику.

Прямо дежавю какое-то. С утра «Ткаченко», сейчас «Ткаченко». Ох, и попадет мне от полковника. Только сейчас я вспомнил о просьбе полковника сообщать ему об итогах. Но во всей этой кутерьме и суете я совсем забыл позвонить Тарасенко. Судя по пустующему стулу секретарши на рабочем месте ее уже не было. Я прислушался. В кабинете полковника было тихо, но ощущал что внутри кабинета уже давно, как сказал Проскура, собрались грозные тучи над моей головой. Я даже к своим ребятам из отдела не успел заскочить. Прямо к полковнику.

Граф, конечно, сделает мне выволочку, но я знал, что он человек отходчивый и никто из его подчиненных никогда не держал на него зла. Руководитель — значит от слова руководить. Тут уже ничего не поделаешь. Родину и начальство не выбирают — это уже прописная истина.

Глубоко выдохнув, я резко открыл дверь и вошел. Тарасенко поднял свои усталые глаза, и я попытался понять, в какой стадии кипения находится мой начальник. Он не был похож на кипящий самовар, но и остывшим чайником не назовешь. Что-то среднее.

— Максим, ну вот скажи мне — что ты за человек такой? Ведь я же просил: позвони, сообщи.

Я места себе не нахожу, целый день как на иголках сижу, а от тебя ни духу, ни слуху. Разве так можно? Ты что не понимаешь, что от нас ждут как можно скорейшего результата, а ты как партизан — молчишь и молчишь.

Граф выбивал своими пальцами по столу непонятную дробь, а это означало одно. Раздражение, но никак не гнев. Возможно, после моего доклада все в корне поменяется, или наоборот — накал страстей уже не сдержать.

— Давай докладывай, — после вылитой волны недовольства вдруг смягчил свой тон полковник, вперив в меня свой начальственный взгляд.

Я как всегда поэтапно и в доступной, понятливой форме стал рассказывать Льву Ивановичу всю перипетию моих событий за прошедший день, который мне казался бесконечным. Когда мой рассказ плавно перешел о встрече с Марком Робинзоном и о том, что он поведал, лицо полковника стало багровым и вытянулось до предела. Полковник меня не перебивал, а дал возможность высказаться до конца. В органах он работал сразу с войны, так что его опыт и жизненные устои всегда выходили на первый план в любой ситуации. Удивлялся он редко, а свои мысли зачастую держал при себе. Когда я закончил он постукивал карандашом по

столу, уставившись куда-то за моей спиной. Я молчал. Ждал.

— Комитетчики, говоришь? — после затянувшейся паузы спросил полковник.

— Напрашивается вывод, что ребята из нашего местного КГБ замешаны, Лев Иванович.

Местным КГБ руководил Старухин Валерий Федорович. Практически одного возраста с Тарасенко, но в отличие от полковника выглядел его антиподом. Высокий, худой, с бородкой — клинышком и вытянутой, гусиной шеей он больше походил на профессора, чем на руководителя столь могущественной организации. В профиль он был практически одно лицо с лицом из портрета, висевшего над его столом «первого чекиста страны». Но с Тарасенко насколько я знал, они были в нормальных отношениях, как для руководителей двух силовых ведомств города. То есть на «уровне». Мы делали общее дело, и пока никто друг другу палки в колеса не ставил. Держали паритет. И вот сейчас возникла такая щепетильная ситуация.

— У меня тоже есть новость для тебя.

Тон как это произнес Тарасенко, не предвещал ничего хорошего. Да еще эта затяжная интригующая пауза. Любил Тарасенко эффектные интервалы и считался еще тем интриганом. Наверное, это передалось ему от его жены, которая

также не один год провела в театральной среде, и за проведенные вместе годы он тоже научился некоторым театральным приемам у нее. Как говорится «муж и жена одна сатана».

— Завтра из Киева к нам прилетает следователь по особо важным делам. В десять утра поедем встречать, если же ситуацию прояснит нам Старухин, то я думаю его визит нам ни к чему. Надеюсь Валерий Федорович еще на рабочем месте. Сейчас все и выясним, что за игры с этим Якубой затеяли комитетчики.

Мне всегда не нравились эти кулуарные пикеты. Почему большая часть нашей работы уходит на всякие там отношения со следователями, прокуратурой, экспертами, начальством и зачастую все происходит, так как будто мы забрели в вязкое болото, где каждый шаг может нас погрузить в липкую тину или же наоборот ступить на твердую почву, после которой дышится свободно и легко. Именно там разворачивалась «малая война кабинетов», как я про себя все это называл, где на первый план выходит тактика слов и всевозможных обещаний, уговоров, уступок. Я тактично поднял руку.

— Лев Иванович, пока вы тут со Старухиным поговорите, может я к своим ребятам? Пока они еще на месте.